ЛЕВ АЛЬТМАРК

ПРОЩАНИЕ С ЛИТИНСТИТУТОМ

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Лев Альтмарк

Прощание с Литинститутом

«Алетейя»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Альтмарк Л. Ю.

Прощание с Литинститутом / Л. Ю. Альтмарк — «Алетейя», 2022 — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-435-3

Сборник произведений современного израильского писателя Льва Альтмарка состоит из пяти повестей и небольшого радиоспектакля. Казалось бы, что может быть общего между полудокументальным повествованием из жизни российской глубинки полуторавековой давности, трёх детективных сюжетов из современной израильской действительности, суровых реалий антитеррористической операции в Ливане и большой повести о нелёгких буднях новых репатриантов в Стране обетованной? При внешней несхожести сюжетов все произведения объединяет общий герой – маленький человек, ищущий своё место в жизни, правдами и неправдами пытающийся подняться на ступеньку выше, со своими комплексами и недостатками, но честный и искренний в своих стремлениях. В сложных и запутанных, а порой экстремальных ситуациях – а разве другие случаются? – наш герой стремится поступать по совести, вот только приводят ли его поступки к желанной цели?.. Вместе с читателем автор подводит своего героя к главному вопросу: для чего мы живём в этом мире и что для нас является определяющим в жизни? У каждого, конечно, свой ответ на этот вопрос, вот только задаём его мы себе всё реже и реже…

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-435-3

© Альтмарк Л. Ю., 2022
© Алетейя, 2022

Содержание

Повесть о том, как поссорились городской голова и уездный исправник 7
Прощание с Литинститутом 21
Страх 53
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Лев Альтмарк
Прощание с Литинститутом

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Л. Ю. Альтмарк, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

* * *

… Я умчу с собой
Все беды смертоносные. Судьба
Жестокая, ужасный Страх, Болезни,
Зараза, чёрная Чума и Горе,
Со мной, со мной идите! Любо мне
Поводырей таких иметь в пути…

Софокл «Царь Эдип»

Повесть о том, как поссорились городской голова и уездный исправник

Вы знаете Агафию Федосеевну? ту самую, что откусила ухо у заседателя…
Н. В. Гоголь

Вспоминая достославные школьные годы, до сих пор содрогаюсь от лютой ненависти к урокам истории. И это отнюдь не потому, что я, как каждый стандартно-гениальный еврейский ребёнок, сызмальства пророчески подозревал о явной однобокости и необъективности сугубо материалистического подхода к судьбам человечества и пророчески видел, что движущая сила истории – никак не победивший пролетариат и даже не примкнувшее к нему не менее трудовое крестьянство. (Кстати, двигал ли что-нибудь пролетариат в Древнем Риме или, упаси Бог, в инквизиторской Испании? Если не он, то кто же куда-то продвигался вместе с историей?!). Чего не было, того не было – врать не буду. Как весь советский народ, в едином порыве я поддерживал курс единственно существующей и самой справедливой на свете партии и заодно сочинённой ею же исторической хронологии. А куда, скажите на милость, деваться несмышлёному ребёнку?

Уже повзрослев, я так и не сумел перебороть в себе отвращение к датам, именам и дутым юбилеям, хоть и выпестовал скудным своим умишком, что основная задача истории, как перечня давно отшумевших событий, вовсе не сухая констатация фактов, свидетельств и высокомудрых комментариев к ним. История, как любая другая наука, вероятно, должна всё-таки приносить пользу – учить практическому применению причинно-следственных связей или, точнее, отучить нас от неисправимой тяги в каждом поколении изобретать новые социальные велосипеды. Иначе перечисление имён и событий, именуемое историей, превращается в пустую схоластику, «искусство для искусства», ещё один бесполезный кнут в руках временщиков у государственного руля.

Особо трепетные воспоминания связаны у меня с уроками краеведения. В те ностальгически-застойные времена каждому школьному учителю истории вменялось в обязанность терроризировать своих бессловесных подопечных скучными до вывиха скул биографиями знаменитостей местного разлива и легендарными событиями областного масштаба, память о которых не простиралась далее витрин краеведческих музеев и благополучно умирала на линейке в школьном дворе вместе с последним звонком на фоне разваливающегося гипсового монумента кому-то из основоположников, простирающего длань над нашими ещё не облысевшими головами.

Ещё позднее, когда волей-неволей пришлось выяснять на собственной шкуре, что не существует такой обобщённо-однородной категории как народ, а есть лишь очень условная сумма индивидуальностей, из очень непростых взаимоотношений между которыми и складываются события, а уж из них то, что именуют историей, передо мной неожиданно высветилась парадоксальная истина. История – это всего лишь скелет, схема, на которую нанизываются коротенькие человеческие судьбы, и нет среди них лишних и ненужных. Эти судьбы связываются между собой тысячами самых разнообразных нитей, и, честное слово, общая картина будет неполной, если мы чем-то побрезгуем из-за незначительности или что-то пропустим…

Тем чаще, как ни странно, вспоминается мне сегодня полузабытое скромное краеведение, которое – хотелось бы того или нет – спускало нас с заоблачных высот «центровых» вершителей истории на грешную землю с её незначительными деталями и подробностями, привносящими вкус, цвет и аромат тронутых тленом давно ушедших дней. Так бывает, когда рассматриваешь старинную картонку дореволюционной прабабушкиной фотографии, и перед

глазами встаёт… Что-то таки да, встаёт перед глазами, а на сердце становится тепло и… почему-то очень грустно. Будто ты заглянул в окошко столетней, а то и двухсотлетней давности, и там всё ещё горит во мраке трепещущий огонёк свечи и продолжается чья-то давно прожитая жизнь…

Продираясь сквозь железобетонные монолиты местечкового патриотизма, мы с великим интересом и изумлением разглядываем людей, имена которых вследствие незначительности высокая историческая наука оставила в забвении, вернее, даже не в забвении, а отдала на откуп своей скромной младшей сестре-дурнушке – краеведению. Этакие реальные гоголевские и щедринские персонажи (кто знает, может, даже наши с вами предки!) не удостоились быть внесёнными ни при жизни, ни после смерти в официальные исторические скрижали. Им там не место. Их удел – забытье, хотя… Плохо забывать о своих корнях, какими бы они ни были.

Придя к этому не очень оригинальному выводу, я, будучи ещё в России, решил покопаться в местных архивных документах. Столичные да центральные – там уже копано-перекопано, а вот в местных, глядишь, и отыщутся какие-нибудь сюрпризы. Честно говоря, особых надежд на отыскание имён собственных предков я не питал, ибо, насколько мне известно, ничем знаменательным они себя не проявили – в подручных у Емельяна Пугачёва не ходили, с декабристами на Сенатской площади не мёрзли, у смертного одра Пушкина не стояли, Зимний в семнадцатом году не брали и большевикам не отдавали… Если мои предки, неоднократно в прошлом меняющие города и веси в поисках лучшей доли, и оставили какие-то упоминания о себе в официальных бумагах, то они, эти упоминания, наверняка разбросаны в добром десятке российских, украинских и белорусских областных архивов. Да и я ли один могу похвастаться эдакой скучной чересполосицей?

На удивление легко я получил в середине 90-х годов доступ в Брянский областной архив и, едва познакомившись с картотекой, просто остолбенел от удивления. Мне казалось прежде, что едва ли я отыщу что-то действительно любопытное, до чего пока не добрался дотошный архивный исследователь. А если и отыщу какие-то сведения о еврейской жизни старого Брянска, то это придётся выуживать по крупицам. Теперь же выяснялось, что папок, до каменной пухлости набитых документами исключительно еврейской тематики, настолько много, что лишь опись их составляет добрый десяток страниц. Впору пожалеть, что нет у меня навыка архивной работы, умения быстро сортировать, отсеивать незначительное и выделять действительно важное и интересное, чтобы не тратить время на второстепенное и многочисленные повторы одного и того же.

С трепетом открывал я старинные папки и перелистывал аккуратные, даже не тронутые желтизной страницы полуторавековой и двухвековой давности, ведь отлично же было видно, что с тех пор, как рукой дотошного уездного архивариуса они были уложены в папку и подшиты, едва ли их ещё касались чьи-то пальчики. Не представляю, как удалось архивным работникам сберечь и сохранить эти материалы в годы лихолетья, когда многое и, безусловно, всё связанное с еврейской темой, уничтожалось в беспричинной животной ненависти. Тем не менее я листал старые страницы, поглаживал шероховатую хрупкую бумагу, вглядывался в строки, писанные старинной перьевой ручкой, и всё больше погружался в эпоху давно ушедшего захолустного провинциального городка, каковым был некогда Брянск – пограничный бастион прежней самодержавной черты оседлости, а ныне вновь ставший бастионом, но уже на другой печальной черте – границе трёх суверенных держав – России, Украины и Беларуси.

Кому-то наверняка покажется наискучнейшим занятием изучение всевозможных докладных записок, рапортов и постановлений, писанных старинной каллиграфией с множеством вычурных завитушек, и языком, на котором, по нашим куцым современным понятиям, человек в добром здравии и без психических отклонений разговаривать просто не имел права. Но это вовсе не так. Нужно просто попытаться увидеть за этими строками живого человека, попробовать хоть на мгновенье побыть на его месте, поразмышлять о его бедах и несчастьях…

А если ещё представить, что всё описанное происходило не только во времена оные, и вполне может повториться на новом витке истории, ибо ничего не ново под луной, так как всё обусловлено одними и теми же причинами, а природа человеческая, увы, консервативна, то странная картина встаёт перед глазами…

Ох, как нелегко расставаться с прошлым! Гоголевские и щедринские персонажи тем и хороши, что гротескны и актуальны в любую эпоху. Поднявшись нашей волей из небытия, они находят себе прототипов и становятся бессмертными, хоть и бестелесными. Шагают из поколения в поколение и никакому тлену больше неподвластны, пока живут на страницах наших книг. Для чего? Наверное, для того, чтобы предостеречь нас от ошибок, совершённых ими во времена оные. Мудрый учится на опыте предков, а дурака сколько ни учи… К сожалению, о мудрости нам остаётся только мечтать.

Тем любопытней разыскивать поучительные сюжеты, которыми полны архивы. Вот, например, один их многих, который я старательно выписал из тех старых архивных папок в свой блокнот. Тексты я почти не исправлял, лишь кое-где сокращал длинноты, убирал бюрократическую цифирь да приглаживал для удобочитаемости старинные обороты. И, естественно, осмелился местами комментировать в силу собственных куцых возможностей…

Брянская городская управа
28 марта 1873 г.
Господину брянскому уездному исправнику

В циркуляре Министерства внутренних дел от 16 февраля 1866 г. указано, что проживать евреям в пределах городской черты разрешено только при наличии промысловых свидетельств. На 1873 г. в управе ими взято лишь 14 промысловых свидетельств, а это при множестве евреев, живущих в городе, указывает на то, что многие из них проживают здесь незаконно. Усматривая в размножении евреев подрыв местной торговли, городская управа имеет честь покорнейше просить, не найдёте ли Вы, Ваше Высокоблагородие, возможность поверить права всех евреев, живущих в городе и уезде, и отдать распоряжение о выселении тех из них, которые окажутся живущими незаконно…

Повсюду тишь и благодать, светит солнышко и не раздаются грозовые раскаты – всего лишь этакая высокомерная брезгливость коренного великоросса при упоминании о чужаке, случайно попавшем на глаза. И хоть этот чужак живёт здесь уже не одно десятилетие и даже не одно поколение, это ровным счётом ничего не меняет и из категории чужаков его не выводит. «Подрыв местной торговли» – конечно, серьёзное обвинение, но причин посыпать голову пеплом и гневно рвать на груди рубаху пока нет. Что будет дальше – время покажет.

Евреи, они всегда во всём виноваты, на кого из них ни плюнь, и даже доказательств искать не надо. Воистину, не было бы в нашем благословенном отечестве евреев, их следовало бы придумать или привести откуда-нибудь. На то они и евреи или – как это сказано в Священном писании? – козлы отпущения, вот. Но… пока время решительных действий по отношению к ним не наступило. Пускай козлик пасётся на травке. Нагуливает бока…

Тяжко и скучно жить городскому голове в глухой провинции, где никогда ничего не происходит. То гусь чихнёт, то соседская свинья конским яблоком подавится – вот и все новости. Это ведь только в столицах всякие там ассамблеи, балы да фейерверки случаются, страсти кипят да копья ломаются, а у нас… В управе сонное болото, мухи в чернильницах передохли. Чем бы жизнь оживить? Поругаться для разгона крови с кем-нибудь, что ли, или письмишко подмётное черкнуть? Вот только на кого?..

Перо протирается тряпочкой, вытряхиваются дохлые мухи из чернильницы, наливаются из пузырька свежие чернила и – пошла писать губерния…

Брянский городской голова
8 мая 1873 г.
Его Превосходительству Орловскому губернатору

Представляя на благоусмотрение Вашего Превосходительства прошение граждан о вредном влиянии еврейского населения на местную торговлю и промыслы, имею честь доложить, что население евреев в Брянске действительно быстро и значительно увеличивается, тогда как на 1873 г. взято евреями только 14 промысловых свидетельств, и это указывает на то, что большая их часть не имеет права здесь жить. Вследствие этого городская управа просила г-на уездного исправника о поверке прав всех евреев на жительство в городе и высылке тех, которые окажутся живущими здесь незаконно. Независимо от того, торговым депутатам предлагалось блюсти инструкцию о наблюдении за правильностью торговли и промыслов евреев…

Содержание этого письма вроде бы внешне похоже на предыдущее, но в нём уже появляется маленький зловещий штришок о «вредном влиянии». От этого штриха до решительного «ату их!» совсем недалеко. Впрочем, всё зависит от того, как повернутся жернова бюрократической мельницы. И захотят ли они вертеться. Вытряхнут ли в губернии и своих мух из чернильниц?..

В тихом болоте, каковым, несомненно, в те достославные годы и в самом деле являлся Брянск, просто обязаны по определению водиться черти. Об этом каждый православный знает. Если есть какие-то неурядицы, а явного супостата среди неполных двадцати тысяч городского населения не наблюдается, то, как вы думаете, на кого падёт жребий? Опять возвращаемся к пасущимся козликам…

Городской голова Добычин, как непреклонный законник и ревностный служака, просто не имеет права не бить в набат. Иначе местный серпентарий сочтёт его долгое молчание за безделье, а то и подлец сыщется, который первым черкнёт куда следует анонимное подмётное письмецо. Уездный же исправник Матвеев, глава исполнительной власти и главный соперник Добычина по части популярности среди местного бомонда, как назло больше месяца не только не принимает никаких решений, но, более того, даже отписку не пришлёт. А ведь знает же подлец обо всём, что происходит! Непорядок это, хотя… такая ситуация даже на руку.

Пора всех действующих лиц расставлять на шахматной доске в нужном порядке. В следующем своём послании преисполненный благородного негодования городской голова уже раздражённо грозит пальчиком:

Брянская городская управа
29 мая 1873 г.
Г-ну брянскому городскому исправнику

Торговые депутаты при поверке торговли застали в конторе еврея, новгород-северского 1 гильдии купца, потомственного почётного гражданина Бориса Иосифовича Быховского, двух евреев: Залмана Рубанова, имеющего приказчичье свидетельство, и Берку Абрамова Концена, занимающего должность кассира, но не имеющего никаких документов. Оный г. Быховский, как занимающийся в Брянске одними только подрядами, но не принадлежащий к местному купечеству, не имеет права держать для управления своими

делами евреев. Посему городская управа имеет честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие выслать Рубанова и Концена из города…

И даже сейчас ещё тучи надвигающейся грозы не сгущаются, а шашки из ножен не вынуты. Внешне нейтральный тон послания, писанного пока что секретарём управы, вероятно, предполагает, что всё можно порешить миром. Естественно, не с евреями, – разве в них, по большому счёту, дело? – а миром между высокими городскими чиновниками. Хотя вовсе не для этого затевается нудная переписка, и добром подобные перипетии никогда не заканчиваются. Даже в нашем сонном царстве-государстве.

Да и кому он, этот скучный мир, спрашивается, нужен? Войнушка – это всегда хорошо, это всегда как свежий ветер, очищающий канцелярии и присутственные места от затхлого запаха казённых бумаг. Пока ты нащупываешь болевую точку, в которую можно ударить, пока ты выставляешь бездельником и мздоимцем достойного соперника, тебя видят, уважают и опасаются. И это залог собственной значимости и стабильности. А что ещё нужно чиновнику для полного чиновничьего счастья? Всё остальное – только средства для достижения этих целей…

Так что евреи – никакая не цель, а только повод!

26 июля 1873 г.

На отношение от брянского уездного исправника и отзыв потомственного почётного гражданина Быховского о евреях Рубанове и Концене.

Постановлено: на основании положений Торгового устава, держать при себе в услужении евреев может только еврей, прописавшийся в купечество 1 гильдии в одном из великороссийских городов; Быховский же, как здесь не прописавшийся, держать Рубанова и Концена в услужении права не имеет. Кроме того, приказчичье свидетельство доказывает, что Рубанов управляет торговыми делами, а это запрещается соответствующей статьёй того же устава. Потому, находя, со своей стороны, что Рубанов и Концен не имеют права оставаться в Брянске и что первый из них получит это право лишь тогда, когда будет утверждён в должности раввина, брянская городская управа переписку эту имеет честь возвратить г-ну брянскому уездному исправнику на благоусмотрение Его Высокоблагородия…

(Отзыв купца Быховского к делу не приложен. – Л. А.)

И в самом-то деле, формальная бдительность и строгое исполнение буквы инструкций – обязанность любого чиновника на государевой службе. А перестраховка, пускай и излишняя, – вообще золотое дело. И весьма похвальное. Главное, к чему-нибудь достой ному прицепиться. Ибо и твой соперник не дремлет – у него те же благие цели.

Объект для нападок никаких споров не вызывает – это бессловесные и забитые евреи, но бодаться с ними напрямую как-то не по рангу, а вот попикироваться с уездным исправником городскому голове не возбраняется, притом уже нос к носу, коли ящик Пандоры раскрыт, дабы знал цербер этакий, кто в городе настоящий хозяин. Пусть не думает, что в нашем провинциальном болоте всё спит непробудным сном. Вот что важней всего. Евреи же, попавшие в поле зрения начальства, увы, всего лишь досадное недоразумение. Причина, не в них, господа, не сомневайтесь. Они – во всех этих циркулярах и доносах всего лишь удобный инструмент давления. Крючок, на который удобно вешать шкурку побеждённого…

Безусловно, само по себе дело с евреями выеденного яйца не стоит, но любому государеву служаке, как мы уже не раз упоминали, это только на руку. Кому же не хочется малой кровью сделать чего-нибудь такого, что при удобном стечении обстоятельств и грамотно составленной бумаге прогремело бы на всю империю?! Ну, уж если не на империю, то, по крайней мере, на

губернию. Глупо упускать шанс и не раздуть едва теплящийся огонь до пожара. Вот и попробуем…

Двух дней не проходит, как в губернское правление летит новая депеша, очередной раз дублирующая суть претензии, но с некоторыми нелицеприятными дополнениями и подробностями:

Брянская городская управа
28 июля 1873 г.
В губернское правление

Торговые депутаты при поверке торговли застали в конторе еврея Бориса Иосифовича Быховского, новгород-северского 1 гильдии купца и потомственного почётного гражданина, двух евреев: Залмана Рубанова, имеющего приказчичье свидетельство 1 класса, и Берку Абрамова Концена, занимающего должность кассира и не имеющего никаких документов.

На основании статей Торгового устава, г. Быховский, как занимающийся в Брянске одними подрядами, но не принадлежащий к местному купечеству, не имеет права держать здесь евреев для управления своими делами; вследствие чего управа просила г-на брянского уездного исправника выслать Рубанова и Концена из города.

Г-н исправник, прислав отзыв г-на Быховского, уведомил управу, что он направил в губернское правление представление об утверждении Рубанова раввином для исполнения в Брянске обрядов еврейского закона. Быховский же в своём отзыве объясняет, что Рубанова и Концена держит в Брянске не для управления торговыми делами, которыми будто бы управляет сам лично, а для услуг в числе прочих нанятых людей (не известно, евреев или христиан).

Относительно высылки Рубанова и Концена в отношении г-на исправника не говорится ничего, то есть г-н исправник не возражает против того, что Быховский держит евреев не для управления торговыми делами, а для услуг, и, значит, якобы имеет право держать в Брянске евреев, не состоящих в уездном купечестве.

Известно, что сам Быховский в Брянске не живёт, а наезжает временно, следовательно, торговыми делами, требующими беспрерывных занятий и расчётов, управлять лично, без посредства доверенных лиц, не может, однако и держать штат служителей, т. е. евреев, не имеет права как еврей, не прописавшийся в брянском купечестве.

Залман Рубанов едва ли удовлетворяет требованиям статей Устава духовных дел для обязанностей раввина; но коммерческими делами Быховского он управляет в Брянске более десяти лет, из чего управа заключает, что заявление об утверждении раввином он подал, лишь бы иметь предлог остаться в Брянске.

Вообще, быстрое размножение еврейского населения в Брянске, имеющего вредное влияние на местные промыслы, уже вызвало со стороны местного коренного населения мольбу, которую управа представила Его Превосходительству г-ну губернатору.

Сообщая это, управа имеет честь покорнейше просить, не благоугодно ли будет губернскому правлению обязать полицию выслать из города Рубанова до утверждения или отказа в его ходатайстве, а равно и другого

еврея – Концена, как не имеющего права здесь жить. О распоряжении же по сему просим управу уведомить…

И снова пролетел месяц в тишине и спокойствии. Вряд можно сегодня в точности выяснить, что происходило в течение этого времени, однако абсолютно ясно, что отношения между городским головой и уездным исправником, и без того непростые, обострились не на шутку. До вызовов на дуэль и битья канделябрами, надеюсь, дело не доходило, так как письменных свидетельств о том не осталось. Да и не дуэльное это дело – решать казённые дрязги таким решительным способом. Завуалированный донос куда действенней пистолета, глядящего в лоб. Это вам любой скажет!

К тому же, вражда между монстрами городского управления наверняка началась не вчера и вряд ли закончится с изгнанием из города самого последнего еврея, если такое, естественно, когда-то произойдёт. Тем не менее, борьба постепенно переходит из фазы подковёрной возни в фазу открытых военных действий, когда все средства хороши, вплоть до того же откровенного, почти хамского доноса. Сие богоугодное занятие городской голова уже не перепоручает робкому служаке-писаришке, а самолично берёт в свои холёные пальчики перо, дабы настрочить следующие витиеватые письмена в вышестоящую инстанцию:

Городской голова
31 августа 1873 г.
Его Превосходительству г-ну губернатору

6 мая, представляя прошение брянских граждан о вредном влиянии еврейского населения на нашу местную торговлю и промыслы, я имел честь докладывать Вашему Превосходительству, что поселение евреев в Брянске действительно значительно и быстро увеличивается. На это размножение евреев давно уже обратила внимание городская управа, которая, даже ещё не получив прошение от граждан, просила в марте уездного исправника о поверке всех прав евреев, живущих в городе, и о выселении тех, которые не имеют права здесь жить. Со стороны г-на исправника не последовало никакого распоряжения.

По прошению граждан, представленному мне 8 мая, г-н уездный исправник имеет от Вашего Превосходительства какое – то предписание, но ни содержание поручения, ни последствия Ваших распоряжений мне не известны. А между тем, население евреев в Брянске не уменьшается, и я могу указать евреев, не имеющих права здесь жить. Так, например, новгород-северский 1 гильдии купец, еврей Берка Быховский, не записанный в брянское купечество, занимающийся здесь одними подрядами, не имеет права держать евреев по управлению своими делами, а у него в конторе торговые депутаты нашли двух евреев: приказчика Залмана Рубанова и кассира Берку Концена. Вследствие этого управа 29 мая просила г-на исправника выслать их, но г-н исправник уведомил, что представил губернаторскому правлению своё ходатайство об утверждении Рубанова раввином, умалчивая о Концене. Управа уведомила губернское правление, что Рубанов едва ли удовлетворяет требованиям Устава духовных дел для обязанностей раввина, и просила обязать полицию выслать Рубанова и Концена. Но и по этому отношению не известно, последовало ли какое-то распоряжение, а Рубанов между тем продолжает заведовать делом Быховского.

Представляя всё это на благоусмотрение Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить оказать городу Ваше покровительство

распоряжением об удалении тех евреев, которые по строгой поверке окажутся не имеющими права здесь жить, и в последующем почтить меня Вашим уведомлением…

Внешне сдержанный и обстоятельный тон послания, снимающего всякую ответственность с подателя сего канцелярского сочинения, очевиден, но яд, если вчитаться между строчек, сочится из каждого слова, из каждой буковки. Только слепой этого не увидит…

Вероятней всего, существовали какие-то веские, но скрытые причины вопиющей бездеятельности исправника. Едва ли его можно заподозрить в тайных симпатиях к гонимому иудейскому племени или опасении в том, что город, не дай Бог, остался бы без раввина. Наверняка здесь не обошлось, как и сегодня не обходится, без некоторых секретных подношений, может быть, даже регулярных и немалых. А что тут необычного – кто на Руси взяток не берёт? Кто вообще взяток не берёт? Тот, кому не дают! Главное, чтобы давали и повод всегда находился…

Сие, безусловно, уже авторский домысел, ибо, ясное дело, не пойман – не вор, и никаких указаний на взяточничество в официальной переписке быть по определению не может. Да и вряд ли кого-то в те стародавние времена ловили за руку на нечистоплотности. Дрязги между чиновниками и постоянные доносы друг на друга вышестоящему начальству – дело вполне заурядное. Без этого жизнь в российской провинции замерла бы окончательно.

В губернском правлении, вероятно, разгорающейся уездной войне значения пока не придают. Мелко это, господа, да ещё в придачу поводом послужили какие-то евреи… Не по чину в этих банальных дрязгах разбираться. Потому и спущена сверху соответствующая казённая отписка, едва ли кого-то удовлетворившая, но сразу же по прочтении подшитая в дело:

МВД Орловского губернского правления
Отделение 2, стол 4, 20 сентября 1873 г.
Г-ну брянскому городскому голове

Вследствие отношений от 8 мая и 31 августа 1873 г., губернское правление имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что о немедленной высылке евреев Рубанова и Концена, как и иных евреев, которые по поверке окажутся не имеющими права жить в г. Брянске, распоряжение уже было отдано брянскому уездному исправнику. При чём губернское правление присовокупляет, что в утверждении еврея Рубанова в должности раввина отказано…

Отписка отпиской, но формальное одобрение действиям городского головы из губернии всё же получено. Плох тот администратор, который не умеет читать между строк спущенные сверху директивы, а из прочитанного извлекать выгоду. Окрылённая поддержкой высокого начальства, брянская городская управа пытается закрепить успех и тотчас выдаёт на-гора следующий эпистолярный шедевр с жирным вопросительным знаком в конце:

Брянская городская управа
25 сентября 1873 г.
Г-ну брянскому уездному исправнику

Орловское губернское правление 20 сентября уведомило, что вам предписано немедленно выслать из Брянска евреев Рубанова и Концена, как и других, которые по поверке окажутся не имеющими права здесь жить. Побуждаемая ежедневно доходящим ропотом местных жителей городская управа имеет честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие уведомить,

когда Вам будет угодно представить к исполнению предписание губернского правления относительно высылки евреев?..

Ну, вот и всё, бедный исправник, кажется, загнан в угол. Пусть нос не задирает и не думает, что всё ему сходит с рук и можно по-прежнему ничего не делать, только брать взятки. Да это уже – и к бабке не ходи! – ясно. «Ропот местных жителей» – это убойный аргумент! Им можно затыкать любой рот и любого ткнуть носом в нечистоты.

Однако торжествовать пока рано. По всей видимости, какое-то шевеление всё-таки происходит, зелёная ряска на поверхности болота потревожена, и бравый исправник не был бы исправником, если бы от него не последовало никакой реакции. Элементарный чиновничий инстинкт и опыт самосохранения требуют хотя бы формально огрызнуться и смачно плюнуть в сторону обидчика. Сделано что-то или нет, неизвестно, но о проделанной работе он спустя некоторое время кратко отписывается в управу, наверняка уже догадываясь, что конца войне не предвидится, и нужно беречь силы для решительного сражения, которое не за горами.

Уездный исправник
5 октября 1873 г.

Уведомляю Брянскую городскую управу, что еврей Концен несколько дней тому назад уже выслан из Брянска. Рубанов же дал подписку о выезде в семидневный срок, об остальных рассматриваются документы – имеют или не имеют право проживать в Брянске…

На войне как на войне! Противник почти повержен, но до конца не побеждён, если всё ещё огрызается. И ведь врёт как сивый мерин! Значит, он всё ещё потенциально опасен, и его нужно добивать. Тем более, судя по всему, исправник ещё тот пройдоха и лентяй, готов придумать тысячу новых оправданий, но идти на поводу ни у кого не хочет, посему за ним нужен глаз да глаз. Благо, своей нарочитой нерадивостью он опрометчиво даёт повод для сочинения двух последующих убойных посланий.

Брянская городская управа
31 октября 1873 г.
Уездному исправнику

5 октября Ваше Высокоблагородие уведомил нас, что еврей Залман Рубанов обязан подпискою выселиться из Брянска в семидневный срок, а Рубанов и по настоящее время ещё здесь.

Посему управа имеет честь просить Ваше Высокоблагородие уведомить, какие меры приняты по выселению Рубанова и евреев, не имеющих права здесь жить?..

И тут же вслед за первым, пока исправник не сподобился на очередную оправдательную эпистолу, следующее подмётное письмо:

Брянский городской голова
20 ноября 1873 г.
Г-ну губернатору

8 мая и 31 августа я имел честь представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства жалобу брянских граждан о вредном влиянии еврейского населения на местную промышленность, указав, кроме общего размножения, сведения о двух евреях, Залмане Рубанове и Берке Концене, допущенных в Брянск и, в нарушение статей Торгового устава, заведующих делами еврея, казённого подрядчика. О высылке их городская управа просила

брянского уездного исправника ещё в мае, но г-н исправник, умолчав о Концене, принял ходатайство об утверждении Рубанова в звании раввина для брянского еврейского населения, несмотря на то, что последний никак не удовлетворяет требованиям Устава духовных дел.

Получив от губернского правления уведомление с предписанием брянскому уездному исправнику о немедленной высылке из Брянска Рубанова и Концена, а также и всех евреев, не имеющих права здесь жить, управа повторила уездному исправнику свою просьбу, на что получила ответ, что Концен уже выслан, а Рубанов обязан подпиской удалиться из Брянска в семидневный срок. Потом, узнав, что Рубанов здесь, управа опять же просила исправника уведомить, какие приняты меры по выселению Рубанова и других евреев, не имеющих права здесь жить. Но на это управа уже не получила никакого ответа. Наконец, в середине ноября торговые депутаты составили акт о том, что Рубанов и Концен продолжают по – прежнему заведовать в Брянске делами еврея Быховского по казённым подрядам. Собственноручные подписи Рубанова и Концена под актами свидетельствуют, что они и не прекращали этих занятий.

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство оказать городу ваше покровительство, подтверждением чему последует решение о принятии в исполнение распоряжения относительно удаления из Брянска евреев, которые по строгой поверке окажутся не имеющими права здесь жить, и в последующем почтить меня Вашим уведомлением…

Вот как заковыристо и зело велеречиво, но всё про одно и то же и теми же словами! В том, вероятно, и заключается высшее мастерство казуистики чиновников, занимающих ответственные посты. Писать много, ни о чём, но с конкретной и ясной просьбой в финале. И чем красочней и заковыристей язык письма, тем более высокой ступеньки они достойны! Наверху это рано или поздно отметят.

Хоть губернатор и выше по рангу, нежели городской голова, но даже он обязан помнить, что голова всё-таки голова, а не какая-то другая говорящая часть тела, и отмахиваться казёнными отписками от его просьб никому не дозволено, даже небожителям. Ведь всегда царапает острыми кошачьими коготками где-то в глубине даже самого что ни на есть уверенного в себе губернаторского сердечка опасение: если что-то не так, то на этот случай есть инстанции и повыше, куда этот нудный жалобщик имеет право накатать кляузу, и по рукам ему за это не дашь. А то потом не отмоешься…

По сути дела, городской голова человек не зловредный и ни на кого камень за пазухой не держит. А на евреев? Что же касается несчастных евреев, вокруг которых завертелась свистопляска с официальными бумагами, так на них, как, впрочем, и на всех остальных городских жителей, ему плевать с высокой колокольни. Где он, а где они… Но тут уже дело принципа. Если контора пошла писать, то на полдороги останавливаться нельзя. Главное для любого бюрократа, в каком бы кресле он ни восседал, – это последовательность и строгое следование принятому решению. А решение – верное или не очень – оно-то уже принято, и никто не помешает его скрупулёзному исполнению.

И последнее послание не пропадает втуне. Вероятно, склочность и упрямство городского головы хорошо известна в верхах, посему губернатор уже самолично отправляет ему следующее послание:

МВД Орловского губернатора
Декабря 5 дня 1873 г.
Г-ну брянскому городскому голове

Считаю долгом уведомить Вас, что губернское правление 26 ноября предписало уездному исправнику, чтобы он, не принимая никаких отзывов от евреев Рубанова и Концена, немедленно выслал их из Брянска

Губернатор С. Иванов

Дабы триумф от победы, одержанной в бумажной баталии над исправником, был окончательным и неоспоримым, и ни у кого отныне не возникало сомнений в том, кто главный поборник строгого соблюдения законности в подведомственном городе, необходимо добить поверженного врага до конца и втоптать его бренные останки в прах. А как это сделать лучше и изящней, как не очередным доносом? Капля камень точит. А уж доносы один за другим непременно заставят начальство задуматься о том, все ли чиновники сидят на своих местах…

Брянский городской голова
30 мая 1874 г.
Г-ну губернатору

По предоставленному Вашему Превосходительству прошению брянских жителей о вредном влиянии на местную промышленность размножившегося у нас еврейского населения, губернское правление 20 сентября предписало г-ну брянскому уездному исправнику немедленно выслать из Брянска тех евреев, которые по поверке окажутся не имеющими права здесь жить. Но по настоящее время ни один еврей не выселен, а между тем у нас их столько, сколько нет ни в одном городе Орловской губернии. Нельзя допустить, чтобы этого особенного размножения не видела полиция, а это даёт право заключить, что распоряжение о поверке и высылке оставлено без последствий. Не имея возможности объявить обществу о последствиях своего ходатайства, имею честь представить это Вашему благоусмотрению…

Действительно ли проводились проверки и пересчёт зловредного иудейского племени в пределах городской черты, никто не знает. Официальных документов с цифрами и результатами нет. Да и нужны ли они? Кто усомнится в фактах, изложенных самим городским головой? В конце концов, все прекрасно понимают, что не в евреях дело. Кто о них всерьёз сейчас задумывается?

Теперь можно умывать руки. В конце депеши вполне можно ставить не нейтральную точку и не недоумённое многоточие, а торжественный восклицательный знак, благо, картинка нарисована впечатляющая: масштабы захлестнувшего несчастный провинциальный Брянск «еврейского нашествия», судя по бумаге, носят уже характер эпидемии, с которой нужно бороться всем миром, а этот лежебока исправник палец о палец не ударяет…

Уж, не еврей ли он часом? Впрочем, даже это абсурдное предположение теперь не играет никакой роли, и исправник, будь хоть индусом, хоть папуасом, непременно получит всё, что заслужил своей вопиющей нерадивостью. Мог бы с самого начала прозорливо сообразить, что городскому голове глубоко безразличны не только любезные его сердцу евреи, не только все прочие жители, населяющие город, а и сам исправник, по большому счёту. Для чиновника его уровня превыше всего принцип: если в городе что-то происходит, то только с ведома и разрешения градоначальника. Горе тому, кто покусится на святая святых – не выполнять его августейшие приказы.

Подтверждение сему и соответствующая отписка из губернии:

МВД Орловского губернского правления

городскому отделение 2, стол 5, 7 июня 1874 г.
Г-ну брянскому голове

Второе отделение губернского правления с разрешения г-на вице-губернатора имеет честь уведомить вас, что брянскому исправнику предложено доставить надлежащее объяснение…

Собственно говоря, ряска снова потихоньку начинает затягивать болотце, и больше ничего необычного в городе не происходит, да, собственно говоря, и раньше не происходило. Серые будни с редкими всплесками ленивых начальственных дрязг, которые никого, за исключением самих участников, не интересуют. Жизнь в городе по-прежнему сонная, однообразная и по престольным праздникам пьяная. И рассказывать о ней что-то ещё – да кому оно и в самом деле интересно?

Последний из документов, который, наверное, стоило бы здесь привести, это рапорт уездного исправника, писаный уже несколько иным тоном, нежели вся остальная казённая переписка. Это ещё не последний предсмертный рык поверженного и почти побеждённого тигра, а скорее брюзжание загнанного в угол волчонка, который всё ещё не понимает, за что на него обрушились кары небесные. Будь его воля, он бы всех этих евреев, с которых началась заварушка, извёл под корень, а уж что сделал бы с этим негодяем городским головой – трудно представить…

Впрочем, дадим последний раз слово самому исправнику перед тем, как отправить его в заслуженную неизвестность, коли уж мы потревожили его прах на время нашего повествования:

В Орловское губернское правление
от брянского уездного исправника
17 июня 1874 г.

РАПОРТ

Губернское правление сообщило мне, что брянский городской голова 30 мая донёс г-ну губернатору о том, что по представленному прошению брянских жителей о вредном влиянии на местную промышленность размножившегося в г. Брянске еврейского населения ни один еврей из города по настоящее время не выслан, а распоряжение губернского правления от 20 сентября того же года о поверке и высылке их оставлено без последствий. Кроме того, губернское правление потребовало представить объяснение, почему не приведён в исполнение указ о высылке из Брянска всех незаконно проживающих евреев.

В объяснение настоящего предписания имею честь донести, что мною ещё в марте было поручено полицейскому приставу составить списки всех проживающих в Брянске евреев и представить их мне вместе с документами. Из представленного приставом списка оказалось, что проживающих в Брянске евреев 53 семейства, в числе которых 23 отставных и бессрочно отпускных нижних чинов, причисленных к обществу мещан, занимающихся ремёслами и промыслами на правах коренных жителей, и 31 иногородний. При тщательном и строгом рассмотрении документов каждого из евреев, оказалось, что 28 из них имеют письменные виды о своём звании и свидетельства от ремесленных управ. Эти евреи оставлены мной на жительство в Брянске для занятия своими ремёслами, а трое, хотя и с письменными видами, но, как не имеющие установленных ремесленных

свидетельств, обязаны были подписками выехать из Брянска. По поводу возникшей в губернском правлении переписки относительно проживающих в городе евреев, имею честь представить вновь составленный список и донести о вышеизложенном Его Превосходительству г-ну губернатору, к чему прилагаю и упомянутое прошение брянских жителей о вредном влиянии на местную промышленность еврейского населения. После этих моих представлений касательно высылки евреев я уже никаких предписаний не получал. По указу губернского правления от 20 сентября надлежало выслать из Брянска евреев Рубанова и Концена, и они были обязаны в этом подписками с назначением срока, а потому без возбуждения судебного преследования до истечения срока оного они оставались в Брянске. В течение этого срока Рубанов и Концен представили ремесленные свидетельства, первый на мастерство делать уксус, а последний на мастерство по устройству печей для выжигания угля. Получив на текущий год из брянской городской управы установленные торговые документы на право занятия своим ремеслом, Рубанов и Концен также остались и теперь находятся в Брянске.

При сем имею честь доложить, что хоть брянский голова и объясняет, что в Брянске возрастает число евреев, имеющих вредное влияние на местную торговлю и промыслы, но ни одного из них, не имеющего права на проживание, пофамильно не указывает. Евреев в Брянске действительно прибавилось в последнее время, но не столько постоянно живущих, сколько ежедневно приезжающих и уезжающих по Орловско-Витебской железной дороге. Если же г-н городской голова имеет в виду евреев, не имеющих права на постоянное проживание в Брянске, то я имею честь покорнейше просить губернское правление предложить ему указать мне их, и тогда с моей стороны немедленно будет сделано надлежащее распоряжение об удалении таковых из Брянска.

Уездный исправник Матвеев

Вот, пожалуй, и вся история. Больше не будем утомлять ни читателя, ни себя чтением казённой переписки чиновников, поистине не жалеющих ни живота своего, ни чернил, ни бумаги во благо отечества. Скучное это занятие – копаться в папирусах полуторавековой давности, да и людишки, водившие пером по этим бумагам, едва ли заслуживают внимания более того, что им уже оказано выше.

Следует прибавить лишь, что в моих комментариях к их переписке, разумеется, нет ничего научного или заслуживающего какого-то серьёзного изучения. Скорее в них мои собственные домыслы и фантазии. Или, точнее, попытка свести разрозненные факты в единую событийную цепочку. Многие её звенья, конечно, безвозвратно утеряны, о многих вещах, вполне очевидных для того времени, мы сегодня не знаем, поэтому на объективность изложения я ни в коей мере не претендую.

Единственное, в чём я уверен и в чём, надеюсь, не погрешил против истины, это в том, что евреи в Орловской губернии, в которую входил в те времена провинциальный Брянск, как наверняка и во всей остальной Российской империи, всегда были для коренного населения чужаками, бельмом на глазу, которое терпят до тех пор, пока не возникает необходимость в козлах отпущения. И это очень удобно, потому что всегда есть, на кого можно списать свои грешки и проколы. Лень, безалаберность, мздоимство, ей-Богу, считались во все времена куда меньшими пороками, нежели принадлежность к гонимому иудейскому племени. И в этом жители Орловской губернии едва ли в чём-то отличались от жителей остальных российских провинций.

И всё-таки лишний раз акцентируем тот факт, что едва ли евреи послужили основной причиной распри между двумя уездными чиновниками-бюрократами, имена которых благополучно и навсегда забыты даже их собственными потомками. Хотя нет, ошибаюсь: в некотором родстве с нашим склочным городским головой состоял очень неплохой российский писатель тридцатых годов двадцатого века Леонид Добычин. Только и всего, не более. Заслуги потомков едва ли искупают или оправдывают дремучие нравы их предков…

В завершение скажу ещё несколько слов. Извлечённый мной из архивного небытия сюжет, в общем-то, предельно банален и не отражает, как принято говорить сегодня, судьбоносных событий истории. Он лишь служит, на мой взгляд, дополнительным штрихом к общей картине российской жизни последней четверти девятнадцатого века. И что для меня наиболее любопытно – краешком касается жизни моих соплеменников. Может, среди них и был кто-то из моих предков. Только что уже ворошить чужие могилы…

Не будем забывать о том, что нет ничего нового под луной, и всё в истории рано или поздно повторяется – люди-то за последние несколько тысяч лет никак не изменились. Не стали ни умней, ни добрей, и если современная наука значительно расширила наш кругозор и границы познания, то это ещё ни о чём не говорит. Вместо перьевых ручек доносы теперь строчат на компьютерах и отправляют начальству не в почтовых конвертах, а посредством Интернета, но разве это, господа хорошие, что-то меняет?..

А кто, как тогда, так и сегодня, виноват во всех бедах?.. Ну-ка, без подсказки догадайтесь!

Прощание с Литинститутом

Встретив недостойного человека, посмотри вглубь себя.
КОНФУЦИЙ

1.

«…я, наконец-то, начал понимать, что такое «раздвоенность жизни», о которой мы столько говорили, просиживая ночи напролёт на своих видавших виды койках в общаге Литинститута, изредка пили водку, чаще крепкий чай и всегда спорили до посинения. Нам тогда казалось, что если человек вынужден жить какой-то одной, стандартной жизнью, со всеми её банальностями и идиотизмом, подчиняться её правилам и условностям и не дерзать что-то изменить, однако втайне мечтает о чём-то более светлом и возвышенном, в кругу единомышленников и таких же мечтателей, как он сам, – то это вполне естественно и нормально. Потому что иначе пока нельзя. Ни раньше, ни сегодня и, может быть, даже завтра. Но мечтать – непременное условие. Не всем быть борцами, но мечтателями нужно быть непременно.

Это удел и планида любого здравомыслящего человека. Без этого быстро превращаешься в глупого самодостаточного мещанина, пускающего слюну умиления от того, что тебя вовремя накормили, напоили водкой и дали подержаться за красивую бабу. Такое скучно и непродуктивно.

Рецепт прогресса один: если уж человек не в силах выходить на баррикады, то хотя бы обязан быть в оппозиции к окружающему миру, который необходимо постоянно исправлять в соответствии со своими и его меняющимися потребностями и интересами. Бесконечные и завязшие в зубах легендарные примеры духовного и порой физического бунтарства, питали наше самолюбие, и каждый из нас, студентов заочного прозаического семинара, считал себя в той или иной степени оппозиционером, протестующим и негодующим в своих слабых ученических опусах. Именно в них мы видели свой вклад в бунтарство. Не замечали мы лишь того, что окружающему миру пока глубоко безразличны наши жалкие протесты, а опусы не очень-то на самом деле выстраданы и едва ли кому-то, кроме нас самих, по-настоящему интересны…»

Мишка смахнул пот со лба, расстегнул ещё одну пуговицу на своей армейской рубашке и полез в карман за сигаретами. Тетрадка, в которой он писал, упала с колена на землю, но поднимать её он не торопился. Прикурив, Мишка глубоко затянулся и удобней устроился в тени у стены разрушенного прямым ракетным попаданием одноэтажного дома.

«…Своей «раздвоенной» жизни я ни от кого не скрывал, и ты это наверняка помнишь. Более того, я считал её вполне цельной и логичной. С одной стороны, я не мыслил себя вне литературы, писал стихи, рассказы, повести и хотел делать это профессионально. Для того и поступил в Литинститут. Может, это прозвучит кощунственно, но мне наивно казалось до самого отъезда в Израиль, что в Литинституте учат секретам превращения только что написанного текста в литературное произведение,

но всегда подозревал, что этот самый текст – настолько зыбкая и иллюзорная субстанция, что нет для него ни правил, ни законов, ни даже каких-то объективных критериев оценки. Есть, безусловно, здравый смысл и логика, но они, как правило, завуалированы и зачехлены мудрёными литературоведческими одёжками стилей и концепций. Действительно гениальный текст не подчиняется канонам, его невозможно расчленить или втиснуть в стандартные рамки. Он – или есть, или его нет… Хотя, если говорить по существу, сочинение текста – не самоцель, а лишь средство выражения мысли. «Слово о полку Игореве», «Песнь песней» – гениальны и совершенны как тексты, но чего бы они стоили, если бы их гладкие и изумительные наборы слов не несли в себе великих вневременных истин? Впрочем, опять же всё наверняка условно, ведь даже словоблуд-графоман – и тот при каждом своём словоизвержении уверен, что снёс золотое яичко… Основа всему, наивно полагали мы, пресловутая «технология» письма. Послушаю, мол, мастера, покопаюсь в его творческой кухне, исправлю под его бдительным присмотром собственные ляпы в текстах и – вперёд к сияющим вершинам литературы, к творческим олимпам. Все мы были уверены, что мастер, у которого мы учимся на семинаре, поможет нам, глупеньким деревянным буратино, подойти к потайной дверце, выдав каждому по заветному золотому ключику…

Всё это далеко не так. Как – не знаю. Иногда мне кажется, что я почти нащупал долгожданное решение, а иногда вдруг с тоской начинал понимать, что гении – не чета мне! – ломали головы над этим веками, жизни клали на творческий алтарь, а я решил, что разберусь мигом, без особых усилий, оттолкнувшись от их находок, как от стартовой ступеньки. Ах, как от этой беспомощности и тщетности попыток каждый раз становилось тяжко и гадко! Хоть руки на себя накладывай…»

Мишка отбросил докуренную до фильтра сигарету и поднял глаза от тетради. От курения натощак во рту стоял неприятный кисло-горький привкус. Глубоко вздохнув, он полез за флягой с водой.

На смену прохладному, всё ещё сонному и безмятежному утру приходил жаркий длинный день. Солнце только поднималось, и его ещё не было видно из-за холмов, но приближающаяся жара уже чувствовалась. Через полчаса она затопит холмы, оливковые рощи, и всё вокруг будет подрагивать в горячих и вязких потоках воздуха, отражённых от земли. Так будет весь день. А такие дни всегда длинны до бесконечности. И до безумия…

«…Литературное творчество тем и привлекает таких идеалистов, как я, что в момент написания уподобляешь себя как бы Творцу, который из хаоса обрывочных мыслей и переживаний строит собственный космос, наполняет его содержанием, облекает в форму, и отныне уже в твоей власти оживить его, влить в него смысл, дать ему настоящее и будущее. Литература – великий соблазн, но одновременно и неизбежная горечь осознания постоянного несовершенства, потому что мы – как бы ни обманывали себя! – всё-таки не настоящие творцы, а лишь копиисты, и боремся не с какими-то внешними противниками, а чаще – с собственными придуманными монстрами…

Вторая половина моего существования – шудаизм, к которому я шёл долго и недоверчиво. Разумом понимая, что слепая вера превращает человека в безвольного раба, я стремился подойти ко всему рационально и осмотрительно. И самому решить: принять или не принять сердцем это

новое знание, ведь необходимость существования в незнакомой до последнего времени системе координат – вере – должна исходить только от сердца, разум же, хоть и помощник, но не всегда друг и доброжелатель. Поиски мои были не ради банальной выгоды – «что мне это даст?», а ради того, чтобы ответить хотя бы самому себе на вечные вопросы, рано или поздно встающие перед каждым. Более же всего хотелось попробовать силы в осмыслении истин, уже известных и неоспоримых, перед тем, как рискнуть на самостоятельный поиск и продвижение дальше.

Поначалу я считал, что иудаизм – всего лишь универсальный способ получения ответов на кардинальные вопросы жизни и смерти, ведь любая религия, как казалось мне, всего лишь бездонная культурологическая копилка и сокровищница многовекового наследия народа, почти как та же литература, накапливающая в своих арсеналах приёмы и способы создания текста. Когда же я коснулся иудаизма глубже, неожиданно понял, что всё гораздо сложнее и не так однозначно. Если в литературе можно всё переиграть – скомкать бумагу и вымарать текст, чтобы переписать заново, или даже выбросить и забыть готовую книгу, то здесь отходных вариантов нет. Вера – это мироощущение, которое не может быть наносным или искусственным, оно может быть только образом жизни и твоим существом. Тут уже невозможно лгать другим и самому себе или что-то приукрашивать, как… в литературе. Ведь подспудно чувствуешь, что вера сулит в итоге какой-то запредельный контакт с пространством – от крохотной неодушевлённой молекулы до высшего разума, существующего независимо от твоего желания или знания. Остановиться на полпути невозможно. Здесь не только врать, но даже неискренним быть нельзя – стоило ли ради этого мучиться и недосыпать ночей в своих бесконечных исканиях, постоянных заблуждениях и редких открытиях? Жалко потраченных усилий.

Через интерес к иудаизму я вышел на осознание необходимости жить в Израиле. Дело вовсе не в том, что Россия к моменту моего отъезда стабильно и бесповоротно покатилась в тартарары, и падение это всё убыстрялось. В конце концов, в какую бы бездну страна ни рухнула, рано или поздно будет подъём, и она восстанет, как птица Феникс, из пепла. Меньше всего я обращал внимание на внешнюю сторону событий или боялся каких-то неясных слухов о мифических еврейских погромах. Я уезжал не от бытовухи и уж вовсе не из-за иллюзорного желания более полно реализовать себя, как писателя, в свободном мире. Мне хотелось… да я и сам точно не сказал бы, что мне хотелось.

Глупо утверждать, что я бессребреник, но эти вопросы никогда для меня не были на первом плане. Кстати, в Израиле, при относительной сытности и комфорте, я всё равно лишился чего-то гораздо большего, чем имел в России. Да, там у меня не было такой квартиры, как появилась здесь, не было обеспеченного прожиточного минимума и компьютера, на котором я могу сегодня быстро и удобно печатать свои опусы. В то же время у меня не стало чего-то такого, чему и названия сразу не подберёшь, как не измеришь это утраченное внешним достатком и возможностью удовлетворять свои возрастающие запросы. Даже литературные.

Вторая половина моего существования в конечном счёте перевесила первую, и это было, в общем-то, предсказуемо и ожидаемо. По крайней мере, в иудаизме не было столько искусственного и фальшивого, как в том, что

окружало меня прежде. Литература – теперь уже верная помощница, как мне казалось, – на многое открывала глаза. Пытаясь описать окружающее, я только сейчас начинал понимать, что она – только увеличительное стекло, в котором отчётливо просматриваются ложь и искусственность, которые никуда не исчезли с переездом, а ведь на это я раньше просто не обращал внимания. Писать в Израиле стало намного труднее, но не потому что я стал требовать от своих текстов каких-то новых, запредельных откровений. Увеличительное стекло, не выпускаемое из рук, неожиданно стало высвечивать довольно неприятные вещи. Сам себе не доверяя, я вдруг увидел, что всё окружающее – уже новое, а не то, от которого бежал, – на самом деле оказывалось тем же безвкусным и выцветшим лубком, грубо имитирующим всё те же человеческие отношения между кукольными картонными персонажами, до края наполненными хамством вместо смелости, ханжеством вместо добродетели, и даже вместо любви – похотью и бесконечной спермой. Перемена декораций, по сути дела, ничего не изменила!..

Тексты, выходящие теперь из-под моего пера, если и были отображением новой, уже израильской жизни, то вряд ли сильно отличались от прежних. Если что-то у меня и получалось более или менее литературно, то только описания грязных и неприглядных сторон этой жизни. Даже чистое и светлое, о чём мне всегда хотелось писать, вырисовывалось непременно в контрасте с низким и отвратительным…»

Где-то за низкорослой оливковой рощей, наверное, совсем рядом с деревней, в которой расположилось Мишкино отделение, звонкой, почти карнавальной хлопушкой грохнула противопехотная мина и затрещали торопливые автоматные очереди. Из-за холмов, с той стороны, откуда они вчера вечером пришли, застрекотал вертолёт, и солдаты, сидящие рядом с Мишкой у стены полуразрушенного дома, зашевелились.

Теперь и в самом деле начинался новый день. Новый день бесконечной южно-ливанской войны…

2.

Сутки назад, когда прямым миномётным огнём из засады накрыло троих наших солдат неподалеку отсюда, Мишка и не предполагал, что окажется в этой небольшой живописной деревушке среди красивых холмов, за которыми дышало и изредка доносило ветром свои горьковато-солёные запахи море.

Террористов, убивших солдат, преследовали почти всё это время, и, хоть до прямого столкновения с ними пока не дошло, было ясно, что те попали в капкан, выбраться из которого уже не сумеют. Разведка сообщила, что в настоящий момент террористы находятся в ущелье между холмами, выходы из которого надёжно перекрыты, и их всего трое или четверо, но вооружены они хорошо. Чтобы избежать ненужных потерь, решено было дождаться утра и уничтожить их с вертолётов. В исходе операции никто не сомневался, хотя всякое может быть – война есть война.

В Южном Ливане Мишка оказался не случайно. Приехав в Израиль в двадцатипятилетнем возрасте, он вполне мог претендовать на армейскую службу где-нибудь внутри страны, где безопасней и можно раз в неделю гарантированно приезжать домой к родителям. Так поступали многие из его знакомых и сверстников. Риск – дело не только благородное, но и добровольное, и не было прямой необходимости в Мишкиных воинских подвигах, тем более, за

нежелание служить в боевых частях его никто не осудил бы. Однако он справедливо считал, что нельзя стать полноправным гражданином страны, если не узнаешь о её жизни всё, что можно, не испытаешь на собственной шкуре всех её тягот и тревог, не заглянешь в бездну, разделяющую евреев и арабов, на краю которой Израиль находится всю свою недолгую современную историю. Ни от чего нельзя быть в стороне, если где-то в глубине души всё ещё теплится надежда написать действительно замечательную книгу, но уже на местном материале. А сделать это Мишке хотелось безумно. Чего-чего, а настойчивости и упрямства ему не занимать. Не получилось в России – может, получится здесь…

В бригаду «Гивати»[1] он попал не сразу. Обычному человеку с гражданки туда не попасть. Но ведь и не боги там служат… После четырёх месяцев на учебной базе, где он постигал современное воинское искусство, с которым был знаком разве что по американским боевикам, его перевели в боевую часть.

Несмотря ни на что, Мишка в душе всё равно оставался человеком гражданским, лишённым агрессивности и, по большому счёту, даже не представлявшим, как поведёт себя в реальном бою, когда придётся стрелять не в мишень, а в настоящего врага, и знать, что только от тебя зависит – жить тому через мгновение или нет. В том, что такое когда-то произойдёт и этого не избежать, Мишка не сомневался. Убивать противника – это жестокая и горькая необходимость войны, и без этого невозможно даже приблизительно узнать цену жизни и смерти. Хотя война вряд ли прибавляет мудрости, потому что нет и не может быть в злобе, страхе и ненависти животворной силы для самосовершенствования. Единственное, пожалуй, положительное, что можно почерпнуть в подобном противостоянии, это то, что война позволяет более чётко определить своё место в жизни, извлечь из сокровенных глубин души то, что в иное время скрыто за семью печатями. Отчаяние и страх, животное желание выжить и… жалость не столько к поверженному противнику, сколько к себе, вынужденному лишать его жизни. И хоть любое человеческое противостояние претило Мишкиной натуре, уйти в сторону он не пытался, как теперь уже и не пытался спрятаться в хрупкую ракушку своего любимого литературного сочинительства. Наоборот, лез в самую гущу, где литературе не место…

– Ирокез на горизонте! – пронеслось среди солдат, и Мишка вздрогнул, оторвавшись от размышлений. Из-за поворота по сухой каменистой дороге, петляющей среди остатков разрушенных стен, выкатил пятнистый армейский джип с командиром их отделения Амноном, получившим прозвище «Ирокез» за то, что был выходцем из Ирака. Перед рассветом Ирокез ездил на совещание к начальству, хотя всё, что ему должны были сообщить, было известно заранее: после вертолётной атаки начнётся прочёсывание местности и поиск того, что останется от террористов.

– При благоприятном стечении обстоятельств, – сразу принялся инструктировать солдат Ирокез, – операция займёт от силы час-полтора, не больше. Перестрелки и рукопашной не предвидится, но и рисковать понапрасну не стоит. Население покинуло эти места ещё неделю назад, поэтому любой встретившийся человек может представлять реальную опасность. – Всё это Амнон протараторил своей гортанной звонкой скороговоркой, не позабыв лишний раз напомнить, что местное население не особо жалует израильтян, упорно не понимая, что мы воюем не с ним, а с террористами, прикрывающимися женщинами и детьми. – Война – это вам, ребятки, не чмоки-чмоки с белобрысыми девицами на тель-авивских дискотеках.

На последних его словах кто-то из солдат хихикнул, но Амнон сделал вид, что не расслышал, и, сохраняя грозный командирский вид, отошёл в сторону, прикуривая сигарету. Задавать ему какие-то вопросы никто не хотел, так как все знали, что особой сдержанностью он не отличается, а свои грешки и даже грубость всегда списывает на природную горячность и

[1] «Гивати» – пехотная бригада Армии обороны Израиля, относящаяся к Южному военному округу.

восточную натуру. И всё ему до поры сходило с рук. Взять хотя бы самый последний случай, который произошёл месяц назад и о котором ходило много разговоров в солдатских палатках.

В тот день Амнон ехал на армейском грузовике с молоденьким шофёром из новобранцев-репатриантов. По дороге необходимо было заправиться бензином, и они заехали на заправку. Времени, как всегда, было в обрез, но у единственного заправочного рожка перед самым их носом остановился длинный старый «мерседес» какого-то бедуинского шейха с целым выводком закутанных в чёрное женщин. Шейх явно не торопился и, заметив нетерпение израильских солдат, демонстративно отвернулся и принялся о чём-то лениво разговаривать с хозяином заправки. Такой наглости Амнон стерпеть не мог и тотчас скомандовал шофёру подтолкнуть «мерседес» бампером в бампер, освобождая место у рожка. Шофёр, напуганный солдатскими легендами о строгостях Ирокеза, беспрекословно выполнил команду, но «мерседес» неожиданно покатился и выехал на обочину. Правда, перед тем, как он кувыркнулся с насыпи, из него успели выскочить все пассажиры. Подбежавшего шейха Амнон, недолго думая, пнул в пах тяжёлым армейским ботинком, и тотчас велел шофёру поскорее заправляться и уезжать. Через два часа их забрала военная полиция. А назавтра Амнон как ни в чём не бывало вернулся в подразделение. Спустя пару дней пронёсся слух, что на следствии, возбуждённом прокуратурой по жалобе шейха, во всём обвинили солдата. Тот действовал якобы без приказа, по собственной инициативе, а об ударе, нанесённом шейху, Амнон вообще ничего не ведает.

Конечно, показания Ирокеза можно было бы опровергнуть в течение пяти минут, допросив шейха или шофёра, однако первому особого доверия не было, а второй – да кто ж вообще из господ военных юристов станет унижаться до бесед с новобранцами-репатриантами, плохо говорящими на иврите? Амнон же – командир, участвовавший во многих боевых операциях, ему почёт, уважение и доверие…

Мишка поглядел на часы и прислушался: за холмами, куда полчаса назад полетел вертолёт и куда ещё через час отправится их отделение, было пока тихо. Ни взрывов, ни выстрелов слышно не было. Он достал тетрадь и открыл на последней исписанной странице.

3.

«…Больше всего на свете мне не хотелось превращаться в обывателя и в самую заразную его разновидность – воинствующего жлоба, о котором – ты, естественно, помнишь – мы столько говорили в общаге. Он, этот вселенский жлоб, вирусным микробом порабощает умы и сознание людей. Оттого и хороших книг никто не читает – лишь примитивные детективы, сопливо-сладкие «женские» романы и прочую пошлятину. Безусловно, никто не возражает против «высокой» литературы, но она – как та же Библия, которую все знают, имеют в каждом доме на книжной полке, но… многие ли её, по большому счёту, прочитали хотя б до середины? А ведь эта литература как раз и существует для того, чтобы заставить человека думать, не давать ему сыто и сонно покачиваться на волнах, уносящих в небытие. Читать её – нелёгкая работа. Гораздо проще глотать сладенькую, пережёванную кем-то жвачку… Человек незаметно перестаёт быть охотником и превращается в сборщика перезрелых бананов, которые сами падают под ноги, когда им приходит время падать.

Разумом и сердцем каждый из нас, студентов Литинститута, тянулся к этой сверкающей и пока недоступной «высокой» литературе, искренне презирая растущую плесень ширпотреба. Каждый искал свой путь к вершине: один – через заумные философские учения, порой безумные и парадоксальные,

другой – через экзистенциализм, мистику и религию, третий – через кропотливое, скрупулёзное и бессмысленное оттачивание техники письма, будто тайна скрыта лишь в гладком слоге. И не было ни одного, кто не понимал бы, что высокого и совершенного никогда не бывает много, путь к вершине удаётся проложить одному из тысячи, и это вовсе не означает, что по проложенному пути способен пройти ещё кто-то. Но попытаться-то необходимо.

Имя воинствующему жлобству – легион… В любом случае было замечательно, что пока существовали мы, идеалисты, свято верившие в то, что, только благодаря нам, мир всё ещё не скатился в бездонную пропасть пошлости, возврата из которой нет. На нас и только на нас держится будущее литературы…

Помнишь, в каких скотских условиях мы жили в общаге? Загаженные туалеты, умывальники и кухни, ничем не отличающиеся от туалетов, серые, пропитанные вонью коридоры, освещаемые тусклыми, постоянно перегорающими лампочками без плафонов… И всё равно здесь был какой-то невероятный сгусток чистой и животворной энергии, которую, несмотря на грязь и мерзость, излучали эти святые стены, пол, потолок. Может быть, потому что здесь жили мы…

А как мы издевались и ненавидели тех, кто, по нашему мнению, не видел или не желал видеть высокого предназначения литературы! Жадно читая рукописи друг у друга, каждый из нас, наверное, искал то, чего пока не мог сделать сам, а ещё – то, что уже прошёл, сумел перешагнуть, чтобы идти дальше. Это был хороший марафон самолюбия, где были победители, но не было побеждённых, потому что при очевидной внутренней зависти к более удачливому собрату никто никому никогда не желал плохого. Каждый понимал, что без этого соперничества в литературе делать нечего…»

– Подъём! – скомандовал Амнон и звонким щелчком отстрелил докуренную до фильтра сигарету.

Солдаты зашевелились и стали подниматься, где-то клацнул о камни приклад автомата, послышались разговоры и смех. Несмотря на то, что вертолёт, который заберёт их после окончания операции, прилетит уже в полдень, никто не сомневался, что эти несколько часов будут тяжёлыми и изнурительными не только физически, но и морально. Хорошо, если придётся только стрелять и встречаться с противником лицом к лицу. Это как раз не самое тяжёлое на войне, потому что рукопашная проходит в запале и на подъёме, когда не чувствуешь ни напряжения, ни усталости, ни времени. Хуже, когда бесконечно прочёсываешь местность с постоянным чувством опасности и ожидаешь неведомо где притаившуюся беду. Немного успокаивало то, что вертолётчики прочешут местность и уничтожат террористов ещё до прихода солдат, тем более из капкана выбраться практически невозможно, а брать убийц живыми нет никакого смысла. Но всё равно это война…

Мишка спрятал тетрадь, надел каску и встал, разминаясь после долгого сидения в неудобной позе.

Сперва отделение шло по каменистой дороге, уходящей сквозь невысокие серые холмы к побережью, потом Ирокез разумно рассудил, что дорога – это прекрасная мишень, решись какие-нибудь новые террористы устроить засаду. По мандариновой роще, тянущейся вдоль дороги, куда отделение тотчас переместилось, идти было тоже не сложно, но уже через полчаса, когда роща осталась позади и пошёл редкий жёсткий кустарник, скорость заметно снизилась и идти стало тяжелей. Но особой поспешности не требовалось, потому что до исходной точки, где отделение должно было оказаться к началу операции, оставалось совсем немного.

Постепенно холмы стали выше, а растительность более густой и зелёной. Солнце ещё не поднялось настолько, чтобы пятнисто-рыжая армейская рубашка пропиталась потом, а брезентовый ремень автомата, словно бесконечно длинная канцелярская печать, отштамповал на плече чёткий глубокий оттиск каждой нитки из своих переплетений.

Разведчики-друзы, которые незадолго до выступления обшарили местность на несколько километров вперёд, уже вернулись и доложили, что всё спокойно. Так, по логике вещей, и должно было быть, потому что зона безопасности, где велись основные боевые действия с врагом и где возможны всяческие неожиданности, осталась далеко позади. Здесь не было ни армейских баз, ни стратегических дорог, и вообще израильтяне появлялись тут не часто.

Низко над головами солдат пролетело ещё два вертолёта, и вертолётчики, похожие на стрекоз своими выпуклыми чёрными очками, сверху помахали руками. Чувствовалось, операция начнётся очень скоро.

– Всем ждать! – скомандовал Амнон и посмотрел на часы. – У нас ещё есть двадцать минут, можно выкурить по сигарете… – Он поморщился и погрозил пальцем: – Увижу у кого-нибудь включённую мобилу – голову оторву!

Армейское командование запрещало пользоваться сотовыми телефонами, особенно там, где идут боевые действия. Их просто сдавали на базе, но мало ли кто мог утаить ещё один аппарат в кармане – каждого-то не обыщешь. Уж, больно легко засекали «технари» террористов местонахождение владельцев телефонов. Даже не взирая на глушилки. Сегодня воевать приходилось уже не с дилетантами, а с настоящей, хорошо вооружённой современной вражеской армией.

Мишка закурил сигарету и по привычке достал тетрадь. К этому в отделении уже привыкли, и никто не лез с расспросами.

> *«…Вспоминаю о наших студенческих годах в Литинституте – и снова у меня начинает сосать под ложечкой. В той дурацкой и абсолютно неустроенной жизни, которую я вёл в России, это было каким-то светлым и до невероятного чистым пятном. Мне даже казалось, что это – первый лучик какой-то будущей моей жизни, которая обязательно настанет и будет наполнена радостями и замечательными открытиями. Но к этой жизни я смогу прийти не сразу – только после погружения на самое дно, когда удастся преодолеть внешние и внутренние барьеры, перешагнуть границы искусственного и надуманного, а главное, самому решиться на первые самостоятельные шаги навстречу этой новой жизни, не дожидаясь благоприятной ситуации или посторонней помощи. Вот так – ни больше, ни меньше.*
>
> *Я и сейчас нередко пытаюсь восстановить по памяти некоторые из наших бесконечных разговоров и споров в литинститутской общаге, порой беспорядочных и сумбурных, затягивающихся до рассвета и чаще всего не приводящих ни к какому результату. Хотя нет – результаты были. Может, и не такие явные и ожидаемые, но – были. Я учился не жалеть себя и извлекать на свет то, что подспудно копилось в душе, вскрывать гнойники и болячки самолюбия и самолюбования. Это проходило не безболезненно, а через стыд, протест и тяжёлую ломку, может быть, даже борьбу с притаившимся внутри меня пресловутым «вселенским жлобом». Но я одновременно и чувствовал, как с каждым разом всё выше поднимаюсь и становлюсь каким-то иным, непохожим на себя прежнего.*
>
> *Это было главным, что теперь привлекало меня в Литинституте. Заряда, получаемого на сессии, мне хватало, чтобы чувствовать себя нормальным человеком и протянуть бесконечные полгода до следующей*

сессии, когда мы, заочники, вновь приезжали из своих провинций сюда, в столицу. Энергией, которой я, как аккумулятор, заряжался от наших разговоров, хватало как раз на полгода…

Но ничто на свете не бывает бесконечным. С окончанием Литинститута я с грустью понял, что источника, подпитывающего меня, больше не осталось. Если я не сумею что-то кардинально изменить в своей жизни, то окончательно опущусь на дно, и никакие силы меня оттуда уже не вытащат. «Вселенский жлоб» окончательно поработит меня, и я больше не напишу ни строчки. С литературой и вообще со всем, что пока удерживало меня от погружения на дно, будет покончено.

Нужен был выход, потому что тянуть и ждать невозможно. Панацею от своих бед я увидел в отъезде в Израиль. Внутренне я понимал, что это вовсе не решение проблемы, но какая-то, хотя бы временная отсрочка. Для чего – неизвестно, но отсрочка… Не такой уж я был наивный, чтобы не понимать, что подобные проблемы решаются вовсе не переменой места жительства и обстановки. К тому же внутри меня теплилась мистическая надежда на то, что земля Израиля вдохнёт в меня новые силы и даст то, чего я никак не мог обрести до сих пор…»

– Вперёд! – донеслась до Мишки команда Ирокеза.

Солдаты снова зашевелились, бросая недокуренные сигареты и привычно поправляя автоматы. Время начала операции наступило, и было уже не до писания в тетради и вообще ни до чего-то другого, что не описывалось коротким и страшным словом «война».

4.

Привычно вслушиваясь в отдалённое урчание вертолётов, Мишка шёл в цепи солдат с автоматом наперевес. До этого он уже участвовал в перестрелках, поэтому ни боязни, ни тревожного ожидания близкой опасности в нём не было.

Конечно, к войне ни один нормальный человек привыкнуть не может, но как-то, наверное, со временем притупляется острота восприятия, и всё происходящее видится не таким мрачным и жутким. Сегодня, когда за Мишкиными плечами уже был кое-какой солдатский опыт, он с печалью отмечал, что, вопреки расхожему мнению, война напрочь лишена романтики, а красивые легенды о ратном героизме и красивом подвиге – только лишь легенды. Война – это даже не тяжёлый ежедневный труд на грани физического и нервного истощения, а обманутое на время гневное и испепеляющее чувство тотальной несправедливости, когда тобой движут не идеалы и не стремление к справедливости, а только злость и тупая ненависть к противнику, на которого тебе указали пальцем. Желание отомстить за поруганные идеалы – этого тем более нет. Оно ушло на второй план, вытесненное усталым раздражением от агрессивного окружающего – солнца, ветра, долгого дня на ногах, бессонницы, а больше всего – от самого себя в этой противоестественной ситуации.

Одновременно не было в Мишке и состояния безразличной и сонной аморфности, когда мозг бездействует, а тело движется автоматически. Ему уже доводилось видеть кровь, страдания и смерть, и, может, давно уже следовало бы привыкнуть к этому, как привыкли многие из его друзей, да только каждый раз какая-то жёлто-чёрная гнойная пелена застилала глаза, а мгновенно закипающая бессильная ярость доводила почти до безумия. Этот спонтанный порыв быстро таял, и на смену ему приходила изматывающая и сосущая жалость к только что увиденной чужой покалеченной или отнятой жизни. Он даже представлял себя раненым или убитым, и ему почему-то от этой дикой фантазии становилось легче и спокойней, будто всё,

что прежде не давало покоя, уже оставалось позади, а сам он обретал какое-то пока непонятное запредельное и радостное состояние покоя и отрешённости от настоящего…

Погружённый в мысли, он не сразу разобрал, что вертолёты уже приступили за холмами к своей кровавой и необходимой работе. Солдаты напряжённо вслушивались в ровные, обыденно звонкие очереди вертолётных пулемётов, разрывающие гулким эхом утреннюю тишину. По меняющемуся тону этих очередей можно определить, на бреющем ли полёте сейчас вертолёт или взмывает вверх для нового манёвра. Ответных выстрелов с земли не было, а может, их просто заглушал рёв вертолётных двигателей и пулемётные очереди.

Ирокез, как и остальные, вслушивался в звуки за холмами, но шаг не замедлял. Видно, всё шло по плану, и в отведённое время отделение укладывалось. В задачи, поставленные командирами, входило не столько непосредственное отыскание террористов или того, что от них останется после вертолётной атаки, сколько оцепление места боя, чтобы никто из врагов чудом не спасся от возмездия. Хотя это почти невероятно: террористам удобней всего скрываться среди мирного населения, а все деревни вокруг пусты – люди ушли на север, где нет боевых действий. Большие группы «Хисболлы» с артиллерией и ракетной техникой, которые то и дело прорывались сюда, ещё имели возможность уйти, маленькие же, такие, как сегодняшняя, заведомо были обречены на истребление. Если всё же удавалось просочиться к своим, то они уносили лишь оружие, редко – видеокамеру с отснятыми результатами теракта, и почти никогда – своих раненых и убитых. К роли камикадзе их готовили заранее…

Выстрелы и рёв вертолётов продолжались минут десять, потом смолкли. Снова наступила тишина, и далеко не сразу стали слышны остальные звуки – тихие и вкрадчивые, более привычные для мирного утра – шум ветра, треск и шуршание кустарника, шаги по камням, нескончаемый щебет каких-то невидимых птиц.

По рации Ирокезу передали, что вертолётчики закончили, пора приступать к непосредственному прочёсыванию местности.

Мишка шёл в цепи своих товарищей, и постепенно к нему возвращалось состояние бездумной и набившей оскомину усталости, копившейся ещё со времени самой первой его операции. Эта усталость не исчезала, но в минуты кратких передышек и ночного сна неожиданно давала такой глубокий и жуткий покой, что сравнить его можно было даже не со смертью, а с небытием… Передвигаться по незнакомой местности было несложно, потому что маршрут корректировался с воздуха, а разведчики-друзы вообще здесь были как дома.

Справа за холмами показались красные крыши незнакомой деревушки, но её обогнули стороной, потому что там работало другое отделение. Мишкино же направлялось непосредственно на поиски остатков террористической группы.

– Мы почти у цели, – предупредил Ирокез, – полное внимание!

И действительно, метрах в ста от них, среди камней, поросших пепельной сухой травой, показались какие-то цветные бесформенные пятна, а сами камни были густо иссечены пулемётными очередями. Кто-то из солдат наткнулся на металлические оплавленные куски от выпущенной с вертолёта ракеты.

– Ничего себе! Чтобы грохнуть пару вшивых террористов скоро атомную бомбу шарахнут!

– Заткнись! – угрожающе посоветовал Ирокез. – Меньше будешь языком чесать – скорее лычку на погон получишь!

Первые из солдат уже приблизились к тому, что осталось от врагов. Постепенно подтянулись остальные.

Бандитов было трое. Одного разнесло в клочья прямым попаданием, и кровавое месиво уже ничем не напоминало человеческую плоть. Разглядывать уцелевшие металлические пряжки от ремней и оторванную кисть, что-то сжавшую в окоченевших пальцах, было тошно, поэтому все отводили взгляды и зажимали носы от запаха крови и горелого мяса. Больше

внимания привлекал второй террорист, живот которого был разворочен прямым попаданием осколка, но он, на удивление, был ещё жив и безмолвно раскрывал рот, будто зевал.

Кто-то заикнулся, что не мешает вызвать по рации санитарный вертолёт, как это принято делать в таких случаях, но Ирокез отрицательно покачал головой.

– Не надо! – Он уже не улыбался, а только щурился и хищно скалил зубы. – Наши ребята, которых они… тоже не сразу погибли, и никто им не вызывал санитаров. Их ножами добивали…

Он не сгущал краски. Уничтоженных террористами наших солдат накрыло прямым попаданием миномётного снаряда, но на их телах обнаружили кроме всего ножевые ранения и горла у всех были перерезаны. Окажись рядом врач, вряд ли он их спас бы. Но они всё равно добивали… Террористу, вероятно, ещё можно было помочь, но… стоило ли?

Ненависть и жалость не самые лучшие советчики на войне, и хоть эти чувства несовместимы друг с другом, в Мишке они не только не переставали конфликтовать, а наоборот, сплелись воедино, перемешались и выросли до какого-то безумного и мистического ужаса перед грядущей вселенской катастрофой, которую неразумно и упрямо готовит себе человечество собственными руками. Он, Мишка, понимает и чувствует, насколько всё ужасно и невыносимо, но сделать ничего не может. Странно, что этого не видят другие… То, что раньше называлось добром и злом, уже не имело ни границ, ни определений, потому что у каждого в оправдание своих поступков заготовлены веские аргументы, а истина, казавшаяся когда-то незыблемой и сияющей, исчезала в непроглядном мраке человеческого, а, вероятней всего, уже нечеловеческого абсурда…

И ведь дело наверняка не в войне – война, по большому счёту, не причина, а следствие. Причина, размышлял Мишка, в неразумном и даже в неправильном устройстве жизни. Война не продолжается беспрерывно, между войнами обязательно бывает мир, который, как получается, едва ли более справедлив, чем война. Иначе, почему он не длится вечно, а каждый раз приводит к очередному конфликту? Значит, это не мир… Нужно менять сложившийся уклад жизни. Но всё сломать и превратить в обломки, конечно, можно, а что взамен? На протяжении всей своей истории человечество столько раз экспериментировало, что, пожалуй, уже не осталось ни одной новой идеи социального устройства, не политой кровью многочисленных жертв и, как всегда, оказывающейся в итоге ошибочной…

Около умирающего террориста, разевающего рот, никого не осталось. Лишь Ирокез задумчиво стоял неподалеку, по-прежнему хищно скаля зубы и не спуская взгляда с его лица. Солдаты отошли подальше и спрятались в тень от поднимающегося в зенит солнца, пытаясь использовать краткую передышку для отдыха. Ясно было, что, если ничего из ряда вон выходящего не произойдёт, ближайшим транспортным вертолётом их отправят на базу, и на этом закончится ещё один день, ещё один эпизод бесконечной ливанской войны.

Мишка по привычке полез за сигаретами и машинально оглянулся на третьего террориста. Он как раз интересовал солдат меньше первых двух собратьев. Крупнокалиберной пулемётной очередью с вертолёта его прошило сверху донизу. Рваные глубокие раны-воронки, наполненные застывшей кровавой слизью, вызывали рвоту даже у видавших виды солдат. Однако голова террориста в бело-красной палестинской накидке-куфие осталась неповреждённой. Вероятно, погиб он почти мгновенно, поэтому лицо его было спокойным и даже безмятежным.

Неожиданно Мишка насторожился и даже забыл о том, что собирался закурить. Лицо третьего убитого террориста показалось ему знакомым. Чепуха какая-то – разве могут быть у него знакомые среди арабов, с которыми он, по большому счёту, даже лицом к лицу не встречался ни разу?! Он зажмурился, помотал головой, сбрасывая с себя наваждение, и снова глянул на труп.

Нет, не может быть! В мистику, роковые совпадения и неожиданные встречи спустя годы и за тридевять земель Мишка не верил. Уж, очень это выглядело бы искусственным и неправдоподобным. Надеяться на это – удел сентиментально-слезливых барышень из женских романов, а в реальной жизни… Тем не менее, никакой мистики и ошибки не было. Неловко разметавшись по иссеченным осколками камням, лежал давний Мишкин знакомый и однокашник по Литинституту Махсуд Якубов. Вместе они поступали и проучились бок о бок три года до той поры, пока однажды Махсуд не пропустил очередную сессию. После этого он из своей Махачкалы больше не приезжал, и никто ничего о нём уже не знал.

5.

«…Помнишь Махсуда Якубова, с которым мы проучились три года? Уверен, помнишь.

Мы, россияне, на нашем семинаре прозы считали себя чуть ли не мэтрами от литературы по сравнению с поэтами, приехавшими из глубинки, из национальных окраин. Всё было у них не так – и русский язык коверкают, и стихи их не почитаешь в оригинале, а только в убогом подстрочнике, который так же похож на стихи, как президентские речи на псалмы Давида. И вообще эти поэты слабо вписывались в сложившийся московский быт с его спешкой, нервозностью, аристократическим столичным шиком, богемно-похмельными пробуждениями и кухонными ночными бдениями. А каково им было перенимать московский протяжно-акающий, чуть жеманный говорок, тотчас подхватываемый любым новым жителем столицы, пусть даже с крохотным стажем «лимиты» за спиной…

В наших мудрёных беседах о литературе эти поэты почти не участвовали. Им, живущим в другом, незнакомом и слегка презираемом нами мире, было трудно следить за причудливым блужданием наших мыслей, да они к тому и не стремились. Их устраивало находиться в наших компаниях молчаливыми и согласными потребителями чая и водки. А может быть, жителей Кавказа и Средней Азии просто не очень интересовали волновавшие нас проблемы, ведь и культура их имела совсем другие корни, нежели та, в которой мы жили и пытались что-то творить, не выходя за её границы. А вероятней всего, ритм, задаваемый московской жизнью, был абсолютно чужд их восточной созерцательности и внешней неторопливости…

Вы ещё посмеивались над тем, что я неожиданно сошёлся с Махсудом, помогал ему править и рифмовать подстрочники, часто беседовал о высокогорном дагестанском ауле, откуда он родом и где живёт его небольшой народ.

В то время я уже интересовался иудаизмом, носил кипу и по утрам надевал тфилин[2]*. Знал и о лютой вражде между евреями и арабами, поэтому мне было вдвойне интересно общаться с мусульманином, пускай не таким правоверным и строгим, как здешние израильские и ливанские арабы, но – тем не менее мусульманином. Это общение как бы исподволь подводило меня к той жизни, к которой я, сам того не осознавая, стремился задолго до окончательного решения об отъезде. Мне очень хотелось разобраться в чём-то тёмном и пока не осмысленном, ведь ясно же было мне уже тогда, что*

[2] Тфили́н – букв. «охранные амулеты» – элемент молитвенного облачения иудея: пара коробочек из выкрашенной чёрной краской кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы и повязываемые на лоб и руку.

духовный облик человека формирует вовсе не религиозная атрибутика, а что-то иное, впитанное с молоком матери и заложенное в подкорке, имеющее по-настоящему мистические и неподвластные разуму корни. До сих пор пытаюсь с этим разобраться, а разберусь ли когда-то – не знаю…

Махсуда, как ни странно, иудаизм тоже интересовал. Но не более чем ислам, строгим ревнителем которого он никогда не был. Он считал, что это удел безграмотных стариков из аула, а современного молодого человека должны больше интересовать девушки, музыка, современные книги – то, что, по его мнению, наиболее ярко определяет цивилизацию, с громадным трудом проникающую в аулы. Он, Махсуд, должен впитывать её больше других своих односельчан, раз уж поступил в такой престижный московский ВУЗ, и нести, нести её в горы…

Неприязни к евреям он не испытывал, тем более их немало жило в Дагестане, и они всегда прекрасно ладили с соседями. При тамошних строгих семейных и национальных традициях как – то не было принято конфликтовать с соседями и делиться на своих и чужих – все были своими, пусть и не такими близкими, но уж никак не враждебными. Ни в одной религии нет изначальной ненависти к чужаку – зато уже сегодня мы домысливаем и переиначиваем из корыстных и меркантильных побуждений строгие охранные религиозные постулаты. И, к сожалению, не только из глупости или зависти…

Так вот, во мне Махсуд увидел друга и единомышленника, который помогал ему преодолевать тот барьер отчуждённости и порой откровенного неприятия, который в Литинституте всегда существовал со стороны высокомерных великороссов по отношению к кавказцам и другим инородцам. Конечно, далеко не все из нас были такими, но ведь общество оценивают, к громадному сожалению, не по его лучшим представителям, а по наиболее крикливым и скандальным… Я искренне старался помочь, по-человечески понимая, как нелегко в столице этому стеснительному и улыбчивому горскому пареньку, говорящему по-русски с акцентом, а многих вещей просто не понимавшему или переиначивающему на свой лад.

Зарифмованные мной подстрочники – простенькие и совершенно непрофессиональные – приводили его в неописуемый восторг. Он не раз говорил, что его стихи по-русски звучат ничем не хуже, чем на родном языке, и он обязательно опубликует их в Махачкале, а потом пришлёт экземпляр книжки, потому что мы как бы уже становились соавторами этих стихов, а значит, собратьями по литературе. Братство на Кавказе значит очень многое. Наверное, он не совсем понимал, а может, не хотел понять, что творчество всегда индивидуально, и соавторство может быть только у ремесленников, его же стихи – это его стихи, а я – только пересказчик их на другом языке, но уж ни в коем случае не соавтор. Впрочем, в эти тонкости он вникать не хотел, и такая ситуация устраивала его вполне. Любому поэту хочется, чтобы о нём узнало как можно большее количество читателей, а родного горского народца Махсуду было явно недостаточно. Когда я говорил ему, что я – не бог весть какой переводчик, он в это упорно не верил и наверняка считал, что собеседник кокетничает или набивает себе цену.

Общались мы с ним, повторяю, не только на уровне рифмования подстрочников и выпивания по этому поводу дагестанских коньяков. Нередко мы беседовали об иудаизме и исламе. Он постоянно недоумевал, почему

евреи так упрямо стремятся к своим древним библейским святыням, отказываются от удобных и необходимых для просвещённого человека благ европейской цивилизации, конфликтуя с остальным миром? Ведь есть же – никто не станет отрицать! – множество вещей более важных, по его мнению, и необходимых для жизни, нежели дедовские суеверия. А ведь эти пережитки мешают стать человеку по-настоящему современным и отдаляют его от эмансипированных и цивилизованных братьев. Вот он, Махсуд, не отрицает ислама и никогда не переменит вероисповедания, но ставить его во главу собственного благополучия?! Никогда такого не будет – всё должно быть в разумных пределах, без перегибов и неудобств. Может, когда-то в будущем, когда он добьётся признания и заработает много денег, и вот тогда уже его душа потребует высших материй, но это будет не скоро и на сытый желудок. А до этого нужно сделать ещё очень много более прозаических и банальных дел.

Я не спорил – нельзя навязывать своё мнение в таких щепетильных вещах, пусть решает сам, что ему ближе. Тем более, мне, еврею, как-то не совсем логично убеждать мусульманина в преимуществах ислама перед атеизмом. Любая религия возвышает человека, делает его более разумным и терпимым, если он, конечно, не остановится на полпути и не превратится в упёртого фанатика, для которого на все вопросы есть заранее заготовленные ответы, а истина – вот она, под ногами… Атеизм страшен своей неприкрытой агрессивностью, хотя и он – своеобразная вера в неуправляемый вселенский хаос, а также неверие в собственные жалкие потуги что-то изменить. Кому-то, наверное, выгодно существовать в этом аду, но… не знаю. Не знаю.

Махсуд не скрывал своих планов. Если не удастся добиться успеха на литературном поприще, то он обязательно добьётся успеха в чём-то ином, энергии у него хватает. Не важно, в бизнесе ли, культуре или политической деятельности, но жизнь свою он обязательно устроит, ведь, вопреки всеобщему мнению, что все кавказцы – люди состоятельные, происходил он из семьи бедной и многодетной, а значит, добиваться всего должен сам, без надежды на чью-то помощь и поддержку.

Я тоже не скрывал своих планов о скором отъезде в Израиль, но каждый раз прибавлял, что никаких меркантильных соображений по этому поводу не держу, и, если в том есть какой-то элемент прагматизма, то это прагматизм иного рода, связанный, скорее, с достижением не физического, а духовного комфорта. На что-то иное в Израиле рассчитывать вряд ли приходится. Хотя, если бы кто-то спросил меня, что такое «духовный комфорт», я вряд ли ответил бы чётко и вразумительно.

Махсуд согласно кивал головой и говорил, что выбор мой наверняка правильный, потому что без достижения внутреннего согласия с самим собой ни о каком внешнем успехе говорить невозможно. Может быть, он тоже эмигрирует куда-нибудь, если представится случай, ведь на Кавказе идёт перманентная война, всё зыбко и неопределённо, а нам отпущено не так много времени для радости и удовольствий, чтобы жить лишь надеждами и верой в то, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Чувствуешь, он даже представить не мог, что не внешними благами обусловлен мой выбор! И ведь он наверняка был уверен, что я только кокетничаю, прикрывая банальность планов высокими туманными

рассуждениями. В систему его ценностей эти мои желания просто не вписывались!

Хотя уже сейчас, когда прошло несколько лет, может, не таких долгих в обычном временном измерении, но весьма значимых и переломных для меня, я не стал бы так однозначно и сурово клеймить его горячие монологи о радостях и земных удовольствиях, в противовес развивая мудрёные теории о духовности, высшем предназначении и ещё бог весть о чём, заготовленном в качестве аргументов для будущих своих поступков…»

…Всё это Мишка напишет завтра, а сегодня он стоял рядом с трупом Махсуда Якубова, и руки его мелко подрагивали. Он понимал, что если это заметят товарищи или Амнон, то поначалу начнутся насмешки, расспросы, солдатские грубоватые шуточки, а потом всегда найдётся «доброжелатель», который сообщит в службу безопасности о странном поведении солдата во время операции.

Но внимание на него никто не обращал. Ирокез оживлённо беседовал по рации с штабом, а солдаты сидели в тени и без интереса поглядывали на оружие террористов, горкой сложенное поодаль.

Мишка наклонился, чтобы лучше разглядеть лицо Махсуда, и вдруг заметил, что у того из-под завернувшейся куртки выглядывает край блокнота. Такого же блокнота, как и у него. Воровато оглянувшись, он быстро вытащил его и спрятал себе в карман. Конечно же, Мишка опять здорово рисковал, потому что любые бумаги, обнаруженные у террористов, следовало незамедлительно передавать командиру, но очень уж хотелось оставить себе на память что-нибудь от погибшего однокашника.

Казалось, блокнот в кармане прожигал грубую ткань армейской рубашки и… как-то странно пульсировал. Мишка непроизвольно ощупывал его и прижимал к телу. Вовремя сообразив, что дальше стоять рядом с трупом совсем уже подозрительно, поскорее отошёл в сторону и вытер рукавом вспотевшее лицо.

– Проблемы с желудком? – засмеялся кто-то из солдат. – Не стесняйся, с каждым бывает. Иди вон за те камни… – и крикнул вдогонку, – осторожней, мало ли что…

За обломком скалы Мишка присел на корточки и, глубоко вздохнув, вытащил блокнот. Первые страницы были заполнены непонятной арабской вязью, потом шли строки на кириллице. Но опять разобрать ничего не удалось, потому что это были стихи Махсуда, написанные на родном языке. Он уже видел подобные строки в Литинституте, когда рифмовал подстрочники. Пролистав несколько страниц, он неожиданно наткнулся на короткие записи на русском языке, помеченные датами. Наверное, это был своеобразный дневник. Таких дневниковых листков было совсем немного, но у Мишки вдруг засосало под ложечкой и в глазах потемнело. Забыть бы сейчас обо всём на свете, бросить автомат и сесть поудобней, чтобы прочесть строки своего бывшего товарища…

– Михаэль, где ты? – донеслось до него. – Заканчивай! Через пять минут будет вертолёт.

Мишка с сожалением спрятал блокнот в карман и бегом вернулся к солдатам.

6.

«…11 января.

Лучше писать по-русски, потому что, если найдут записи, то не сразу разберутся, что к чему. А может, и вовсе не обратят внимания, подумают, что стихи. Так меньше ненужных вопросов и опасений…

Раньше я думал, что ислам, как и любая другая религия, – защита от окружающего мира, когда ты слаб и тебе нужна помощь. Но защита

нужна слабому, а ислам делает тебя сильней хотя бы уже тем, что не оставляет времени раздумывать о слабостях. Слабого, как барана, легко вести на заклание. Сопротивляться он не станет, хотя будет страдать и сетовать на горькую судьбину. Я тоже был раньше слабым, но бараном, естественно, себя не считал. А ведь был им, наверняка был. Теперь чувствую себя уверенней, а стал ли сильнее – не уверен.

…Многого мне не надо. Я пишу стихи и стараюсь не лезть в полупонятные и, несомненно, небезопасные для рассудка вещи, копаться в которых так любят русские и прочие европейцы. Христианство – религия индивидуалистов, и потому они не могут без этих копаний. В этом слабость христиан, но это почему-то позволяет им уверенней чувствовать себя в жизни. Я достаточно долго жил среди них и даже привык уважать их за это. И побаиваться, потому что всегда был для них чужаком. Но оставаться одному на перепутье невозможно, оттого и возвратился к исламу. Отверженным быть никто не хочет, а собственных сил для того, чтобы что-то изменить в своей судьбе, увы, не достаточно. Зато есть универсальный рецепт – вера. Лишь в ней, как в старом обжитом родителями доме, начинаешь чувствовать, что ты не одинок и тебя не оставят один на один со своими бесами и враждебным миром. И нет иного пути – такой выбор предстоит сделать каждому, как бы ты ни уклонялся. Вернуться к тому, с чего надо было бы начать, но ты пренебрег этим по наивности и глупой самоуверенности, всё равно придётся.

В скрытые и интимные уголки своей души забираться безумно страшно, но русские это отчаянно делают, и я, наверное, заразился от них этим. Боюсь, безумно боюсь – и всё чаще забираюсь. Не хочу вкушать запретный плод, но он так сладок… И ведь каждый день при этом необходимо напоминать себе: ты – мусульманин, тебе запрещено заходить за границы!

И всё равно захожу – проклятое упрямство…

2 февраля.

Потихоньку становлюсь на ноги. Учу суры Корана, вчитываюсь в комментарии и открываю для себя новый, доселе неизвестный мир, в котором всё ясно и определено, но совсем не так просто, как казалось поначалу. Тут даже солнце иначе светит и человек смотрит на человека другими глазами – всё иначе. Наверное, нет иного способа, чем этот, чтобы прочно встать на ноги и противостоять враждебному окружающему миру. Именно, противостоять, а не идти с ним на компромиссы. А ведь мир изначально враждебен, потому что пытается жить по другим законам. Потому ты и обязан искать причину несправедливости не в себе, а вокруг себя, ведь Аллах создал мир как арену извечного противоборства, а человека – воином, исполняющим Его волю. Именно воином, а не бессловесным рабом. Воин не может быть виноватым и сомневающимся, он создан выполнять приказ и не задумываться о его логичности. Если у него после боя, молитвы или обладания женщиной останется время, то лучше всего вернуться к одному из этих занятий. И не задумываться над несовершенством мира, а принимать его как данность и извечное поле боя.

Логика – не в этом, а в будущем совершенном мироустройстве. Сегодняшний мир несовершенен, а значит, нелогичен. Кому-то не хватает пищи, кому-то – власти, чтобы давать или не давать эту пищу другим.

И тот, и другой ищут возможность удовлетворить желание и, безусловно, правы в этом стремлении. Но прав на самом деле лишь тот, кто победит в грядущем единоборстве. Удовлетворённое желание – высшая цель существования. А больше ничего в этом мире и не заслуживает внимания. Познание окружающего – культура, философия, наука, лживый гуманизм – всё это подножие исполненного желания. Как только в нас не останется неисполненных желаний, сразу исчезнет необходимость в этих грубых искусственных построениях разума. Искусственных – потому что они не тянут даже на то, чтобы считаться частью непостижимого и универсального порядка мироздания, имя которому ислам, и творец его – Аллах…

17 апреля.

Я прагматик до мозга костей. Бывший поэт – неудачник, который переродился в прагматика и скептика. Хотя, наверное, и раньше были во мне семена прагматизма. Какая бы высокая идея ни привлекала меня, я, прежде всего, пытался отыскать в ней то, что удобно мне в настоящий момент и пригодится в будущем… Я никогда не голодал, хоть и не жил в роскоши. Откуда же во мне эта ненасытность, эта неукротимая жажда? Каждый день спорил и до сих пор спорю с собой, даже воюю, но ничего не могу поделать. Мои новые наставники, которые, не в пример прошлым, оказались более прозорливыми и понимающими человеческую природу, говорили: подножием мудрому смирению и покорности служит бунт, и лишь он – свидетельство искренности и чистоты помыслов. Но бунт не против идеи, а за неё. Что же такое справедливость? Это победа над собой и окружающим миром. И лишь она – мерило справедливости…

Каждый день я разочаровывался в том, что меня окружает, всё больше и больше и, наконец, бросил всё, что имел (правда, это было совсем не много) и перебрался в Иран, потом окольными путями в Сирию, Палестину, и вот теперь я нахожусь в Ливане. Куда меня дальше зашвырнёт судьба? Если говорить начистоту, только ли бескорыстные побуждения или поиски истины толкнули меня на это? Кем я мог бы стать, оставшись в Дагестане? Ну, выпустил бы книжку-другую стихов – всё равно меня тамошние литературные бонзы на пушечный выстрел не подпустили бы к своему Олимпу. Оставаться в Москве на положении образованного «нацмена», вроде дрессированной обезьянки на плече у «старшего русского брата»? Нет уж, увольте… При любом раскладе мне оставалась дорога лишь на Восток – к настоящим братьям по вере. Ведь человеку рано или поздно становится мало покровительственной отцовской любви – ему нужна братская, равноправная любовь, которую необходимо заслужить, завоевать, а не получить в наследство…

Впервые в жизни я решил, что не стоит ломать себя и искать каких-то банальных материальных выгод, как не нужно и строить воздушных замков, которые самому же придётся потом разрушать. Лучше с кровью и болью выкорчевать из себя всё лишнее и искусственное, и вдруг неожиданно открыть, что этой крови и боли ты ждал с самого рождения, они приятны тебе и необходимы. Потому что лишь в этот момент ты становишься настоящим человеком – мусульманином, ревностно и безоговорочно исполняющим волю Аллаха и пророка его Мухаммеда…

21 июня.

Вчера участвовал в первом своём настоящем бою. Израильтяне – хорошие солдаты, но и мы не хуже. Четыре месяца я учился военному ремеслу: маскироваться на местности, закладывать мины, стрелять, и теперь могу с полной уверенностью сказать, что стал почти профессионалом.

Самое странное, что в этой войне у меня есть товарищи по обе стороны от линии фронта. По ту сторону – те, кто был со мной в прежней жизни, до того, как я осознал свой истинный путь. По эту – те, кто сегодня вместе со мной. Линия фронта – она как бы рассекает и меня на две половины: каким я был раньше и каким стал сегодня…

Поначалу мне было довольно сложно определиться, с кем я на самом деле, ведь совсем не трудно стрелять в абстрактного врага, как в какой-то дурацкой компьютерной стрелялке. Гораздо сложнее, когда враг уже реальный, и есть подозрение, что ты мог когда-то ходить с ним по одной улице, сидеть в одной студенческой аудитории, обмениваться рукопожатием. Я ничего против иноверцев никогда не имел, да и сейчас не имею. Встреться мы в другом месте и в другое время, наверняка нашли бы общий язык, какие-то общие интересы… Но не нам выбирать время и место – мы всегда оказываемся там, где необходимы для служения тем целям, которые нас выбирают, и которые возложил на нас Аллах. Мы всего лишь солдаты, и не нам рассуждать…

Не знаю, как повёл бы себя в действительности, если бы столкнулся сегодня лицом к лицу с кем-то из своих прежних друзей или знакомых на поле боя. Выстрелил бы в него первым? Наверное, да, хоть потом и мучился бы. Но это было бы потом…

Нет, об этом лучше не думать, а то с ума сойду. Выход один – снова учить суры. В них, как утверждают учителя, ответы на все вопросы. На все без исключения…

5 июля.

Сегодня что-то неожиданно нахлынуло на меня, и я всё утро писал стихи. Словно глотнул воздуха родных гор и краем глаза глянул на серебристый Каспий.

Рифмую, а в голове какая-то зудящая и ноющая боль: кто я? почему здесь? правильно ли поступаю, почти забросив поэзию? Ведь я столько времени ничего не сочинял, лишь украдкой записывал в блокнот какие-то обрывочные и бессвязные мысли. А ведь стихи, оказывается, никуда не исчезают, они появляются тогда, когда им, созревшим, как древесный плод, приходит время. Стихи накапливаются внутри и вот в такие, как сегодня, моменты, вырываются наружу…

Это не поддаётся никаким объяснениям. Ничего не могу с собой поделать. Приходится даже прятаться от своих новых товарищей, для которых я – такой же, как и они, воин, грубоватый и несентиментальный, высшая поэзия для которого – сперва Коран, а потом автоматная очередь, подтверждающая правоту и истинную поэзию ислама. Всё остальное – создано нашими недоброжелателями для того, чтобы отвлекать нас от главного, и некогда человеку было задумываться о своём изначальном предназначении.

Не должно быть никаких преград между нами и Аллахом…

Не хочу сказать, что мои нынешние друзья – бездумные роботы, у которых нет ничего за душой, кроме жёсткой программы, заложенной учителями. Несомненно, они, как и все нормальные люди, глубже и противоречивей тех примитивных личин, в которые вынуждены рядиться по необходимости. Но пока ещё не время раскрывать всё, что таится в душе. Сегодня есть более необходимые и приземлённые вещи, не требующие отлагательства.

Пока ещё не время для лирики и стихов. Но – когда?! Когда оно для меня настанет?! А для них?

20 июля.

…Много вокруг разговоров о совершаемых нами терактах. Израильтяне называют нас смертниками и безумцами, но это вовсе не так. Смерть – понятие относительное. Её боится лишь тот, у кого нет ничего за душой. А ведь это всего лишь перемена формы существования. Никому не известно, что будет за гранью смерти, но то, что есть у нас сейчас, не самый лучший вариант бытия… Это ясно как дважды два даже тем, кто нас обвиняет.

А что ещё, скажите, остаётся? Каждому хочется определённости. Если нет какой-то реальной точки опоры, то хоть эта… Правда, я пока не представляю себя обвешанным взрывчаткой за минуту до взрыва где-нибудь во враждебной толпе. Не потому, что не смогу сделать это физически, а потому, что пока не убеждён в том, что именно ценой моей жизни что-то изменится в мире. И вообще, какова эта пресловутая цена жизни? Для меня это нечто гигантское, неизмеримое, для мира же моя жизнь ничтожна, как жизнь мотылька, как жизнь травинки. Как это сопоставить?! Наверное, есть какие-то иные точки отсчёта…

Я уже был в Израиле – в Газе, Рамалле, Хевроне. После серии последних терактов израильтяне жёстко контролируют наши действия и отслеживают таких, как я. По мне сразу видно, что я – не местный, и это, естественно, их настораживает. Да и среди наших я пока не совсем свой, и когда им стану – не известно. Одновременно хочу стать своим и что-то мне мешает…

Сегодня я в Ливане и часто сравниваю увиденное с тем, что видел когда-то в Чечне. Но там я был всё-таки посторонним, а здесь – непосредственный участник, от которого ждут конкретных поступков. Парадокс: там, на Кавказе, где моя Родина, я был в стороне, а здесь… Да разве Ливан, чёрт возьми, моя земля? В голове у меня всё смешалось – свои и чужие, праведники и грешники…

Чтобы победить сомнения и не мучиться – опять сажусь учить суры…»

7.

После операции Мишкино отделение вернули на базу в Израиль. Ирокез ходил довольный, будто террористы были уничтожены именно им и его солдатами. К слову сказать, повод для радости и в самом деле был достойный – за последние три месяца боёв в Ливане никто из солдат не погиб и даже не получил ранения. Это было действительно хорошо.

Недельный отпуск дали многим, в том числе, Мишке. Он сперва поехал к родителям, потом заказал на три ночи номер в одной из гостиниц на Мёртвом море и сразу туда укатил побыть в благословенном одиночестве. Очень уж не хотелось сейчас находиться на людях, вести пустые разговоры, сплетничать о знакомых, болтать по телефону и постоянно отвечать на бессмысленный, едва ли требующий ответа вопрос: «Ну, и как там, в Ливане?». А больше всего ему хотелось спокойно дочитать дневника Махсуда, потому что в сутолоке и спешке последних дней просто не было возможности уединиться.

По первым страницам дневника было видно, что Махсуд уже не тот наивный и простоватый паренёк, по-кавказски разгульный, открытый и бесхитростный, и Мишка почему-то не мог представить его другим. Ну, не вписывался Махсуд в сегодняшний образ сурового и непреклонного «бойца ислама», каким хотел казаться!

А сам Мишка – разве он остался прежним? Каким, интересно, увидел бы его сегодня кто-нибудь из прежних знакомых по Литинституту? Узнал бы? Дело, конечно, не во внешности и не в густом средиземноморском загаре, которым постепенно сменился бледный среднерусский румянец. Поняли бы они друг друга?

В душе он уже давно попрощался с Литинститутом. Как, наверное, и Махсуд. Но распрощался ли в самом деле? Почему то и дело вспоминаются друзья, преподаватели и всё, что происходило тогда с ним? А у Якубова – у него были те же воспоминания, или он сумел вытравить из себя эти годы учёбы? Он ничего об этом не писал в дневнике, но ведь было же на душе что-то…

Честное слово, какое-то непрекращающееся прощание…

Чтение записей Махсуда необходимо было ему прежде всего для того, чтобы разобраться не столько в переменах, произошедших с бывшим приятелем, сколько в себе самом. Лишь сейчас он неожиданно понял, почему, сам того не желая, постоянно уходил от болезненных и ненавистных вопросов о смысле собственной жизни. Уж, кому-кому, а ему, избравшему профессией литературу, то есть пожелавшему стать творцом и судьёй собственным персонажам, без этого никак не обойтись. Ведь он, по сути дела, пока палец о палец не ударил, чтобы приблизиться к тем великим целям, которые ставит перед собой каждый пишущий. Переезд в Израиль, попытки влиться в новую жизнь, учёба на подвернувшихся компьютерных курсах, поиски работы и, как спасение от этих бесполезных метаний, призыв в армию – эти вынужденные шаги, конечно, требовали определённых усилий, но были банальны, скучны и, в общем-то, предопределены. Всё это пройдено до него другими. Чужой опыт и чужие промахи – хороший повод, чтобы не пенять на собственную пассивность и успокоиться на недостигнутом, но ведь совесть-то не обманешь…

Обидно и неприятно понимать, что сделанный тобой выбор вроде уже и не выбор, а просто бездумное следование в общем русле. Мишка гнал от себя эту вредную мысль, хорохорился и огрызался, что иных вариантов не было даже у тех, кто опытней и рассудительней его. Однако настроение от этого не улучшалось. Наоборот, становилось хуже, будто он сам себя обкрадывал, бесцельно теряя время на пустяки и успокаивая себя на том, что всё, что ни делается, делается к лучшему, а умный в гору не пойдёт…

В первый день своего приезда на Мёртвое море, он бросил сумку в номере гостиницы, принял душ, который нисколько не освежил, надел чистую рубашку и отправился на берег дочитывать дневник Махсуда, прихватив, на всякий случай, и собственную тетрадь для записей. Но сразу приниматься за чтение не хотелось, лучше для начала просто посидеть и поглазеть по сторонам. Настроиться на чтение.

Яркого солнца сегодня не было, по небу плыли серые плотные облака. Под кондиционером в гостиничном номере, конечно, более комфортно, но и здесь пока сносно. Мишка всегда любил дышать густым, с йодистыми испарениями, морским воздухом, разглядывать белые от

соли, словно заснеженные, берега, в которые лениво вгрызаются зелёные с желтизной тяжёлые волны.

Писалось на берегу Мёртвого моря всегда плохо, мысли, словно напитавшиеся здешней тяжёлой солью, были медлительными и неповоротливыми. Может, это, как казалось Мишке, из-за какой-то гнетущей и изнуряющей энергии, исходящей из недр густой маслянистой воды? Лишь здесь, на берегу, вдруг начинаешь понимать, кто ты на самом деле – маленький, слабый и беззащитный, пытающийся, как улитка, укрыться в хрупкой ракушке собственных иллюзий и заблуждений. Грозная стихия воды наверняка напрямую связанна с нависшим над головой Космосом, и это видно сразу, едва оказываешься здесь. Тишина, не нарушаемая даже плеском волн, мгновенно даёт понять, насколько бесполезны твои слабые потуги и ничтожны убогие писания, а спасение в чём-то совсем другом, о чём ты пока не догадываешься. Путь перед тобой гораздо длиннее и извилистей, чем обычная человеческая жизнь, и впору бы не строить очередные воздушные замки в воображении, а просто задуматься о том, к чему стоило бы по-настоящему стремиться. Каждый раз хочется убежать отсюда, но ты не в силах даже сдвинуться с места.

Именно этого состояния Мишке сегодня и хотелось. Раствориться на какое-то время в тяжёлой, почти ирреальной атмосфере, погрузиться в отрешённое и ленивое созерцание водной глади, выпасть на три коротких дня из каждодневной рутины. Очиститься от наносного сиюминутного…

Мишка знал, что здесь ему скоро надоест, и его неодолимо потянет назад, в привычную суету и спешку, от которой он пытается сейчас скрыться, но это будет позже, через несколько дней, а сейчас необходимо именно это.

Он расположился на гладком камне под старым тентом с лениво хлопающим на ветру оборванным выцветшим брезентом и сперва открыл не дневник товарища, а свою тетрадь с последними записями.

> *«…Каждый приезд на сессию начинался для Махсуда с беготни по магазинам и кооперативным ларькам. Он закупал массу всевозможных вещей, которые потом переправлял с оказиями в Махачкалу для перепродажи. Это называлось «бизнесом». «Так живёт сегодня половина моих земляков» – смялся Махсуд, когда кто-то из нас брезгливо морщился при виде многочисленных коробок и тюков, постепенно заполняющих его комнату в общежитии. По сути дела, ему было плевать на мнение тех, кто презирал его за столь низменное занятие, несомненно, противоречащее благородному литературному ремеслу в стенах Литературного института. Образ полубогемного, нетрезвого и непризнанного поэта – гения, кичащегося безденежьем и не делающим никаких попыток заработать на кусок хлеба каким-то иным ремеслом, был Махсуду наверняка не только чужд, но и противен. Со щедрой брезгливостью он ссужал таких поэтов деньгами без надежды на отдачу, имел в загашнике днём и ночью бутылку водки для особо нуждающихся, но на губах у него при этом всегда была презрительная и какая-то загадочная ухмылка.*
>
> *С моим мнением он всё же считался. Всё-таки я рифмовал его подстрочники. Однажды, когда мы оказались одни, он, усмехаясь, процитировал Пушкина: «Гений и злодейство – две вещи несовместные…» «К чему ты это?» – спросил я. «Ты тоже считаешь, что я не прав, да?» Я пожал плечами и попробовал объяснить, что каждый выкручивается, как может, и нет способов заработка благородных и позорных, есть лишь честные и нечестные. Но мои нудные рассуждения, более похожие на старческое брюзжание, он, кажется, не услышал.*

– Ты говоришь одно, – покачал он головой, – а думаешь иначе. Не отнекивайся, знаю… Почему все вы говорите о какой-то морали и высоких материях, но упорно не хотите понять, что без куска хлеба, который никто за красивые глазки не даст, всё это пустой звук? Литературой кормятся лишь гении да окололитературные проходимцы, а мы… нет, не мы, а вы, – он неожиданно указал на меня пальцем, – всего лишь страусы, которые прячут голову в песок!

Обидно, конечно, что Махсуд не отделял меня от своих недоброжелателей, но он, по сути дела, был не так далёк от истины. Такого «бизнеса» я не поощрял тоже, хоть и помалкивал. Вообще-то, я уже прикидывал свою будущую жизнь в Израиле и вовсе не зарекался, что когда-то мне не придётся заниматься подобным неблагодарным ремеслом. А, может, и чем-то похуже. С проблемой заработка сталкиваются рано или поздно все, и… не окажусь ли я в Израиле в таком же положении, в каком Махсуд оказался в столице?..»

Мишка захлопнул тетрадь и посмотрел на недалёкий холмистый иорданский берег, тонущий то ли в вечном тумане, то ли в беспрерывных испарениях, поднимающихся от водной глади. Махсуд, Махсуд… Почему, раздумывая о нём, Мишка всё чаще начинал задумываться и о себе самом, о своей жизни, о своём выборе? Что сегодня могло быть между ними общего?

8.

Когда-нибудь он обязательно напишет повесть или несколько рассказов с героем, который будет его прототипом. Этот герой приедет в Израиль с самыми благими намерениями трудиться и отдавать всего себя без остатка желанной и, наконец, обретённой после стольких сомнений и раздумий родине. Он столкнётся с массой таких неприятных вещей, которых раньше и представить не мог – жизнерадостным идиотизмом заплывших от жары левантийских мозгов, неприкрытым хамством зажравшихся чиновников, от которых зависит твоё благополучие, откровенной неприязнью и завистью тех, кто не сумел приобрести того, чего ты добился ещё до приезда сюда. Всё это вроде бы, на первый взгляд, и не так существенно, ведь рано или поздно каждый непременно занимает отведённое ему место, как бы тому кто-то ни противился. Тем не менее, поначалу это непробиваемая стена, которую надо штурмовать, тратить силы, нервы и каждый раз при этом сдерживать себя, чтобы не уподобиться тем, кто стремится всеми правдами, а чаще всего неправдами… обойти и растоптать более слабого и беззащитного. Странно и противно видеть тех, кто уже добрался до вожделенной кормушки, насытился и жрёт впрок, не забывая о вчерашних лишениях и видя в каждом скрытого конкурента на отвоёванное место под щедрым средиземноморским солнцем. Общение такого человека с тобой – вынужденный жест лакея, гордого владельца сношенных хозяйских сапог, изредка получающего доступ к хозяйскому ночному горшку, но безумно боящегося, что его оттеснят…

Мишка – человек не злопамятный. Но он обязательно напишет о том нескрываемом презрении, с которым людишки, кичащиеся близостью к власть имущим, относятся к интеллигентности и образованности, создавая при этом искусственный миф об исключительности и уникальности собственной культуры и морали. Поначалу, сразу после приезда, Мишка почти открыто пытался бунтовать, убеждая себя в том, что всё неестественное со временем отомрёт, глупость себя изживёт, а невозможность противостоять этой откровенной глупости – только кажущаяся. Необходимо лишь осмотреться, отдышаться с дороги, найти единомышленников, разобраться с реалиями, выучить, в конце концов, язык – и тогда… Что тогда? Сегодня он уже

осмотрелся, реалиями насытился до рвоты, иврит выучил до спасительной беглости, лишь… единомышленников отыскал совсем не много. А ведь хотелось всего быстро и сразу, потому что эти гнусные реалии рано или поздно засасывают и, если не превращают тебя в пресловутого вселенского жлоба, запрограммированного на еду, сон и работу, то притупляют остроту восприятия несправедливости, не оставляют времени и желания бунтовать и возмущаться. Ломается человек, что ли, в тот самый критический момент, когда после упорного и долгого противостояния неожиданно обретает то первоначальное, к чему стремился, а потом неожиданно понимает, что ни противостояние, ни борьба на этом не закончились, а новые преграды стали ещё выше, неприступней и, главное, качественно изменились.

Тогда зачем он сюда ехал? От кого убегал? Жгучее желание жить среди соплеменников? Высшее мистическое предназначение? Сионизм, в конце концов? Ерунда… Если бы в пылу юношеского максимализма он не загонял себя в тупики придуманных утопических идей, надеясь уже не на русское, а скорее на русско-еврейское «авось», то, наверное, не ходил бы в родном городе на лекции, где по-настоящему увлечённые религиозные люди из Израиля жёстко обосновывали необходимость строить завещанное Вс-вышним государство. И это было не столько строительство в буквальном смысле слова, сколько необходимое и осознанное соучастие в духовном возрождении бессмертного народа, ибо нет на свете зряшных и бесполезных людей, каждый человек – вселенная, без которой мир не полон. Пока не соберутся воедино на своей земле все библейские шестьсот тысяч еврейских душ – в том числе, и его, Мишкина душа, – государство Торы построено не будет… Тогда этого посыла он не понял, но принял сердцем, считая слова наставников красивыми фигурами речи или пропагандистскими лозунгами. А сейчас – понял ли глубинную суть этого декларируемого духовного возрождения?

Религиозная идея способна двигать человеком лишь тогда, когда он смел и решителен, не боится ошибок и заблуждений, но трезво анализирует их, чтобы не допускать роковых ошибок. Главное – не сбавлять скорости и не останавливаться на полпути… И это вовсе не красивые фразы, которые удобно твердить по любому поводу.

Был ли Мишка таким стойким и целеустремлённым человеком? Раньше он, может, ответил бы на этот вопрос утвердительно. А сегодня всё оказывалось совсем не таким ясным и однозначным…

> *«…Это вовсе не бесполезное самокопание и высасывание из пальца каких-то очередных откровений. Хотя, если говорить по существу, каждую давно известную истину необходимо открывать заново по нескольку раз и не принимать на веру только потому, что кто-то авторитетный её уже принял. Пускай это и пройдено до меня тысячами других людей, которые были ничем не глупей меня, а может, ещё разумней и искренней. И уж наверняка – честней и решительней. Вероятно, беда моя в том, что я каждый раз подспудно чувствую ответ на главный вопрос, но не тороплюсь радостно соглашаться с ним и всегда выбираю окольный и, как мне кажется, наиболее безопасный путь к нему. Не пробиваю лбом стены и не крушу все препятствия, встающие передо мной. Это не трусость или расчётливость, просто ломиться в закрытые до поры двери я не привык. Оттого и топаю окольными путями. Тем не менее, упорно стою на своём и не перестаю строить одни и те же надоевшие воздушные замки, наивно полагая, что когда-то одному из них удастся выстоять и не рухнуть при очередном порыве ветра перемен… И ещё – я по-прежнему надеюсь, что мне удастся доказать, будто есть и другие пути, кроме проторенных. До сих пор не перестаю в это верить, хотя веры во мне день ото дня всё меньше и меньше…*
>
> *Читая моё затянувшееся письмо (а может, вовсе и не письмо, а очередной бред неудовлетворённого самолюбия!), ты наверняка удивишься*

сумбурности и бессвязности моих рассуждений. Не успев закончить одно, перебрасываюсь на другое, потом на третье. Прости, но таково моё нынешнее состояние, когда мысли опережают слова, а те складываются в какие-то несуразные и малопонятные фразы. Никаких литературных целей этими записями не преследую – не до них сейчас. Хаос и сумятица мыслей не способствуют созданию чего-то удобочитаемого. Настоящая литература, о которой я не перестаю размышлять, не сочиняется, – она всегда спускается с небес! – когда мысль до конца оформилась и выкристаллизовалась до того, как начнёт облекаться в буквы и слова, а мне сейчас далеко до этого.

И ко всему ещё – Махсуд Якубов с его дневником, не дающим мне покоя…»

Написав последние слова, Мишка ни с того ни с сего разозлился на самого себя и захлопнул тетрадь. Привычного состояния расслабленности и умиротворённости, которое всегда приходило на берегу Мёртвого моря, не было. Он нервно закурил сигарету, но от горького едкого дыма раскашлялся.

Солнце уже стояло в зените, но не рассеивало голубую полупрозрачную пелену, а лишь пробивалось большим мутноватым кругом и полыхало невидимым жаром.

Тяжело поднявшись с камня, Мишка отправился в гостиницу. Голова гудела, во рту было сухо и гадко, будто он чем-то отравился. Единственное спасение сейчас – забиться в своём номере под холодные струи кондиционера. Душ вряд ли поможет, потому что вода будет тёплой, противной и нисколько не освежающей, даже если стоять под ним весь день.

9.

«…2 октября.

Через два дня наша группа из трёх человек отправится на задание за «зелёную черту». Таких групп, как наша, несколько. Воевать большими подразделениями неудобно, их сразу засекают с вертолётов или дронов, и тут уже израильтяне не упускают возможности…

Странное состояние людей, которые понимают, как велика вероятность не вернуться из подобного рейда, но нет в них ни страха, ни сомнений, но, вместе с тем, жгучее желание выделиться, совершить подвиг, напоследок прославиться. Но нет и малейших попыток уклониться от неизбежного. Говорят, всё в руках Вс-вышнего, и, как Ему будет угодно, так и произойдёт. Говорят – словно оправдывают неизбежное…

Шахид, то есть человек, погибший во славу Вс-вышнего, – высший идеал мусульманина. Мог бы я стать шахидом раньше? Не знаю, наверное, не смог бы. А сегодня? Трудный вопрос…

…Стихи окончательно уходят в небытие. Всё, о чём мечтал когда-то – звонкие рифмы и причудливые образы, восторженные рецензии, красивые женщины и цветы, автографы на книжках, – всё это насквозь пропитано фальшью, ненужной суетой, обманом. Будто самые замечательные годы своей юности я посвятил каким-то пустым ребяческим забавам, тратил время на пустяки, и мне ни разу не стало стыдно за тот образ жизни, что я вёл. Сегодня, наконец, наступил миг прозрения, чтобы стать настоящим мужчиной. Немного жаль потерянного времени, но вернуть уже ничего нельзя. Даже не хочется об этом вспоминать. Все мои заблуждения и ошибки останутся во мне и уйдут в небытие вместе со мной, если такое будет суждено… Перечитываю написанное за последние дни и с горечью убеждаюсь,

как это плоско и грубо, мысли закованы в штампованные образы, эпитеты, гиперболы и прочую чушь, украшающие скудное воображение. Всё это для меня сегодня становится чужим, искусственным. Не моим. Не нашим… Редкая мысль, мелькнувшая в голове: может… стоит поискать на замену этому отвергнутому что-то новое, не такое банальное? Зачем? Чтобы опять ограничить свою мысль новыми рамками?

Я абсолютно потерял вкус к прежней своей жизни, наполненной суматохой и поисками каких-то приятных мелочей, к жизни, похожей на ученические стихи, что писал в Литинституте, и думал, что это и в самом деле поэзия. Я наивно мечтал стать поэтом, и не было у меня иной цели. Но разве сочинительство рифм, по большому счёту, может стать целью жизни?!

Цель моя сегодня – гораздо шире и глубже. Я пока не могу сформулировать её обычными словами, потому что она не вписывается в те образы, которые привычны для нас, и которыми мы обмениваемся друг с другом.

Столько времени я слепо шагал по жизни, бесцельно метался из угла в угол в тёмной комнате, пока Аллах не указал мне на крохотную дверь. Я распахнул её, и в глаза брызнул свет – горячий, ослепительный, к которому нелегко привыкнуть, но, когда привыкнешь, начнёшь различать лестницу. По ней предстоит подниматься до каких-то сияющих высот всю свою жизнь. Осознание того, что ты постоянно находишься в начале пути, не огорчает, а радует и приносит долгожданное умиротворение…

Своих родных мест в последнее время почти не вспоминаю. А если вспоминаю, то с какой-то отрешённостью и холодом. Роди на – это не определённый клочок земли, застрявший во времени и в твоей детской памяти, это – частица бесконечного Космоса, где твоей душе удобно и комфортно. А время – его можно двигать даже вспять, если понадобится для достижения цели.

Постепенно начинаю приходить к мысли, что всё окружающее измеряется не только привычными мерками – временем, расстоянием и нашим к нему отношением, а чем-то совсем другим, более важным: отношением этого окружающего к нам. И обратной связью. Нити, связывающие нас с этим и иными мирами, не только тянутся от нас к ним, но и от них к нам. Материальное существование – одна лишь из граней всеобщего существования. Притом не самая главная из граней. Когда это начинаешь понимать, становятся совершенно бессмысленными какие-то банальные вещи и уж, безусловно, собственные убогие творения, которым наивно пытался посвятить жизнь… Даже смерть – и та уже становится какой-то незначительной и несущественной ступенькой в бесконечном восхождении к высшему миропорядку. Её перешагиваешь и уже не опасаешься, потому что она ничего не меняет и никак не влияет на твоё новое бытие…

Но почему я никак не могу расстаться с этими своими старыми воспоминаниями о Литинституте?! Почему он никак не отпускает меня? Что это за затянувшееся прощание?!»

Последние строки дневника Махсуда Мишка дочитал вечером, когда на Мёртвое море и на отель, в котором он жил, опустилась тяжёлая душная ночь. Кондиционер ровно дышал холодным сухим воздухом, но прохлады всё равно не было. Что-то внутри белой ребристой коробки под потолком простужено, с равными промежутками времени похрипывало, а за

окном по металлической рамке, в которой был установлен гудящий вентилятор, тонкой струйкой стекала мутная маслянистая влага.

Мишка умылся и, не вытирая лицо, подошёл к окну. Внизу, на открытом воздухе, в ярко освещённом кафе громыхала музыка. Между столиками сновали тоненькие девочки-официантки в коротких чёрных юбочках и белых блузках. Работы у них хватало, потому что вечером клиентов всегда много.

В другое время он с удовольствием спустился бы посидеть с чашечкой кофе и сигаретой, понаблюдать за отдыхающей публикой или просто побродить по берегу, вдыхая запахи ночного остывающего моря и придумывая сюжет очередного рассказа. Но сегодня ничего не хотелось. Чтение чужого дневника окончательно испортило настроение и отбило желание что-то делать. Виноват в том был, скорее всего, не сам дневник, а что-то иное, навеянное чтением. Это непонятное «что-то» не давало успокоиться и вернуться в привычное состояние.

Судьба и гибель Махсуда, – а в том, что его смерть была закономерна, сомнений не возникало, – всё это описано и пророчески предсказано в дневнике. И это больше всего возмущало и даже бесило. Мысли и рассуждения могут быть сколь угодно абстрактными и возвышенными, но земные дела, которыми Махсуд занимался вполне осмысленно и расчётливо, подводили не очень утешительный итог его поискам и сомнениям. Смерть не в бою, когда можно заглянуть в глаза противнику, а уничтожение с вертолёта, когда ты сам себя обрёк и уподобил пассивной мишени, – это было обидно, но не вызывало в Мишке ни протеста, ни жалости. В конце концов, каждый сам себе выбирает не только жизнь, но и смерть. В том числе, и такую глупую.

Но что это за идеи такие, рассуждал Мишка, если они требуют принесения в жертву собственной бесценной жизни? Никто не знает, какими мы будем в будущих мирах, но нужно ли искусственно укорачивать своё земное существование, чтобы поскорее проверить грядущее? Хоть Махсуд, в конце концов, и понял, что смыслом человеческой жизни является вовсе не приобретение материальных благ – с этим Мишка был давным-давно согласен, – но всё же имеет границы! До каких глубин ада могут довести человека блуждания в поисках истины! Если в рассуждениях Махсуда и есть какое-то рациональное зерно, то это всего лишь зерно – не более. Сухое зерно, которому так и не суждено прорасти… А сам Мишка – на правильном ли он пути? Ближе ли, чем погибший однокашник, к отысканию смысла своей жизни? Почему жизнь Махсуда заслуживает осуждения, а его, Мишкина, нет?

От сопоставления себя с бывшим товарищем перехватило дыхание, и на лбу выступил холодный пот. Нет, об этом лучше пока не думать, чтобы не сойти с ума, лучше попытаться отвлечься.

Но сегодня всё однозначно валилось из рук: не писался начатый рассказ, телевизор только раздражал жизнерадостными рекламными девицами, пиво из холодильника казалось горьким и водянистым… Даже завтрашнее утреннее купание в Мёртвом море не сулило желанной усталости и покоя. Мишка немного постоял у окна, без интереса наблюдая за праздничной суетой внизу, и пошёл к своей кровати.

Всё, решено: этот отдых на морском берегу ему противопоказан, завтра он уедет. Только искупается утром и сразу уедет. Оставшиеся два дня можно провести дома, а там отпуск закончится, и – вперёд на армейскую базу. Пусть лучше не остаётся свободного времени. Даже в Ливане, где каждую минуту подстерегала опасность, было легче и спокойней, чем здесь, где он оставался один на один с дневником Махсуда. И с собственными мыслями…

10.

На базу он поехал не в обрез по времени, как ездят всегда солдаты и резервисты, а на день раньше. Дома было шумно, скучно и утомительно – обычное репатриантское существование со всеми его мелкими бытовыми проблемами, заботами и сварами. Повод к отъезду

был стандартный: хочу развеяться в Иерусалиме, побродить по улицам, поглазеть на витрины, встряхнуться. Впрочем, ничего объяснять не пришлось – ещё до приезда в Израиль родители привыкли к его неожиданным поездкам в Москву, Питер, на Север. Причины поездок он не объяснял, а просто в одночасье срывался и уезжал. Через несколько дней возвращался уставший и измученный, но на удивление спокойный и умиротворённый. Когда всё надоедает до чёртиков и начинает тошнить от окружающего, может, так и в самом деле поступать лучше…

На иерусалимской автостанции было, как обычно, шумно и многолюдно. Ревели автобусы, прогревая моторы, металлический голос, перебиваемый собственным эхом, вещал что-то невнятное над билетными кассами, торговцы прохладительными напитками и варёной кукурузой неистово вопили у входа, зазывая покупателей, сборщики пожертвований громыхали жестяными банками. Отовсюду слышался многоязыкий говор. Мишка выбрался из своего автобуса, забросил на плечо сумку и автомат и стал протискиваться к выходу.

– Стой, солдат! – кто-то сзади хлопнул его по плечу и захохотал. – Вот ты и попался!

Мишка обернулся и увидел своего командира Амнона, который тоже возвращался из отпуска. Он жил в одном из поселений Гуш-Э-циона и, вероятно, так же, как Мишка, хотел денёк побродить по Иерусалиму.

– Куда путь держим? – деловито осведомился Ирокез, ни минуты не сомневаясь в том, что подчинённый рад встрече.

«Может, так оно и лучше», – подумал Мишка и ответил:

– Особых планов нет. Где-нибудь хочу посидеть, а то уже одичал, от цивилизации отвык.

– Вот-вот, – обрадовался Ирокез, – и мне мои родственники до смерти надоели. Не успеешь приехать домой, начинают с тобой нянчиться, как с грудным младенцем. Я их люблю, и они меня любят, но не настолько же… У тебя, небось, в Иерусалиме девушка есть? Не стесняйся, скажи. Если мешаю, могу в сторону свалить. Мы же не на службе.

– Нет у меня девушки. Пойдём вместе, раз уж встретились…

– Только в этот муравейник на Бен-Иегуду не хочу! – сразу взял инициативу в свои руки Амнон. – Там у моего дяди магазинчик, лучше ему не попадаться на глаза – расспросами замучит… У меня же вся эта болтовня вон где сидит! – Он озорно похлопал себя по заднему карману армейских брюк.

С автостанции они вышли на центральную улицу Яффа. Но идти с тяжёлыми солдатскими сумками и оружием через плечо было неудобно и тяжело.

– Придумал! – махнул рукой Ирокез. – Давай сядем в какой-нибудь автобус или трамвай и покатаемся. Устроим себе экскурсию. Может, даже снимем там кого-нибудь…

На первой же остановке они сели в автобус, который проезжал по Яффе, потом сворачивал к университету на Хар-Ацофим.

– Что-то ты, брат, не весёлый, – Амнон внимательно разглядывал Мишку. – Дома неприятности?

– Нет, – Мишка отвёл глаза. – Просто мне не по себе немного. Устал, наверное.

Ирокез отчего-то рассмеялся и закинул руки за голову, сладко потягиваясь и устраивая ноги в тяжёлых армейских ботинках на переднем сиденье:

– Всё у вас, «русских», так: ни с того ни с сего слюни распускаете, хандрить начинаете. А с чего, спрашивается? Чего вам не хватает? Или вам здесь хуже живётся, чем на прежней родине?.. Я-то здесь родился, мне сравнивать и выбирать не из чего, а мои родители, когда сюда приехали, – вот у кого действительно проблемы были. Жить негде, еды никакой, работы – тем более. Но не унывали – всё своими руками сделали, спали с автоматами под головой, дерьмо месили, на солнце без воды подыхали. И никто им не помогал. Не то, что вам, приехавшим, сегодня. А вы ещё чем-то недовольны…

От подобных разговоров Мишку тошнило. Спорить, приводить какие-то аргументы и сотый раз разъяснять, что сейчас совсем другие времена, бесполезно – никто никого не хочет

слушать, а обиды на трудности и неудачи, копившиеся поколениями, не дают трезво глядеть на вещи даже сегодня.

Ирокез немного помолчал, вероятно, ожидая Мишкину реакцию, и, не дождавшись, продолжал:

– Вы сюда культурными приехали, с образованием и хорошими специальностями. Даже деньги кое-какие сумели привезти. Квартиры покупаете, машины, в театры ходите… Но всё равно завидуете нам, необразованным и тёмным. А кто и кому на самом деле завидовать должен? – Чувствовалось, Ирокезу тоже такие разговоры надоели, но со скуки хочется поболтать хоть о чём-то, а эта бесконечная и, по сути дела, бессмысленная тема могла в самом скором времени иссякнуть за неимением собеседника. Но другой темы просто пока не было.

Мишка невольно усмехнулся про себя, потому что Амнону всё равно никогда не понять, что не все репатрианты такие, какими их кто-то пытается выставить. Хорошие они или плохие, похожи ли на тех, кто приехал до них, или нет, в этом ещё предстоит тысячу раз разобраться, и не только Амнону, но и им самим… Ох, как не хочется начинать этот бесполезный и бесконечный разговор!..

Хотя Мишкин командир не так далёк от истины, запальчиво утверждая, что мы любим сгущать краски и видеть всё в мрачных тонах. Человеку, какого бы мнения о себе он ни был, всегда кажется, что его недооценивают, относятся к нему предвзято. То, что он мог бы сделать где-то за морями-океанами, где его таланты оценят в полной мере, здесь не прокатывает, и никому не требуется даже не по причине чиновничьей вредности или зависти, а из обыкновенной глупости и недальновидности. Лишь спустя какое-то время перед человеком начинает открываться более полная и не совсем приятная картина: дело-то как раз не в чиновниках, потому что везде люди одинаковы, и жизнь, как шла, так и идёт по накатанным рельсам, со своими радостями и горестями, а уж потесниться, чтобы уступить тебе место, никто не торопится. Хорошо, если ты смог, не взирая ни на что, стать нужным и необходимым окружающим, тогда тебя примут и оценят. Такое бывает не часто, потому что очень трудно порой догадаться, что в действительности от тебя нужно. Чаще – мы стремимся навязать себя такими, какие мы есть. Кому такое понравится? Отсюда неприятие, а следом за ним разочарование и обиды…

– Наверняка ты уверен, – упрямо продолжал Амнон, – что мы примитивные. Мол, нам бы только прожить свою муравьиную жизнь: сожрать питу с фалафелем, потискать белобрысых девиц, которые не могут дать достойного отпора из-за незнания иврита, и похохотать над телевизионными шутками пошляка с местного ивритского канала? А хвалёные книжки, без которых вы не можете обойтись, – где они, кто их здесь читает?.. Не качай головой, вижу, что ты думаешь так… Да, мы примитивные, по вашим меркам, потому что при внешнем благополучии замучились от бесконечных проблем, о которых вы знаете только понаслышке. На этой земле до сих пор не наступило время читать умные книжки – нужно без отдыха грызть камни, мёртвые и живые, и этих камней не убывает, а становится всё больше и больше. И мы уже не хотим ломать зубы об эти камни, нам хочется веселиться и радоваться жизни, действительно беззаботно жрать фалафель и тискать девиц, а мир без устали наваливает на нас всё новые и новые проблемы. Чтобы не погибнуть, нужно постоянно отбиваться от них и разгребать без передышки…

– Какие камни? Какие проблемы? – удивился Мишка. – О чём ты?

Амнон обиженно отвернулся к окну:

– Всё ты понимаешь… Когда к тем проблемам, которые здесь существовали, существуют и никак не решаются, добавляются ещё те, что вы привозите с собой, представляешь, как весело становится всем вокруг жить?! Какими добрыми глазами мы смотрим друг на друга… А человеку не хочется проблем, он устал от них! И даже не от них, а от того, что они не прекращаются… Представь, что младенцы наши рождаются уже усталыми – ты это можешь понять?! Чтобы бороться с усталостью, мы, как черепахи, влезаем в твёрдые панцири, отго-

раживаемся от всех и даже от себя самих… Бесконечное веселье, показная и нескрываемая туповатость, яростное отторжение всего, что не укладывается в наши пещерные понятия, – такими мы видимся вам, а вы не можете принять эту игру. И даже не хотите понять, что это всего лишь игра… О каком взаимном уважении можно говорить, если от вас даже ответного сочувствия не дождёшься?

– Ну, здесь ты палку перегибаешь! – смущённо пробормотал Мишка. – Всё наверняка не так. Может, мы попросту ещё не узнали друг друга настолько, чтобы жить одной семьёй? Но это поправимо – пройдёт какое-то время, притрёмся…

– Глупости говоришь! Когда за незнанием стоит нежелание узнавать, а следом за этим раздражение и злость, то о какой семье разговор? Кто к кому будет притираться?.. Даже сейчас мы беседуем, как лучшие друзья, а ты наверняка удивляешься: отчего этот Амнон сегодня такой сопливо-сентиментальный, как барышня, а в другое время грубый и бессердечный солдафон? Отчего он при каждом удобном случае с удовольствием пригибает моих соотечественников. А со мной откровенничает? Не забыл, небось, как я подставил шофёра-новичка на заправке? Знаю, тебе об этом рассказывали, не отнекивайся… А я не мог поступить иначе, ведь окажись он на моём месте, а я простым шоферюгой за рулём – кто оказался бы виноват? Тот же расклад без вариантов… Нельзя никого жалеть – запомни, солдат, если хочешь здесь жить долго и счастливо… – Амнон помолчал, потом, прищурившись, выдавил хрипловато и чуть заикаясь: – Кстати, помню выражение твоего лица тогда, в Ливане, когда я запретил вызывать вертолёт для раненого террориста… Боже, с какой жалостью ты, гуманист, разглядывал другого террориста – убитого!.. – При этих словах Мишка вздрогнул, но Амнон продолжал, не сводя с него взгляда: – Не такие уж вы простачки, чтобы не понимать наших проблем, но упорно трубите лишь о своих и одновременно посмеиваетесь над тем, чем мы отличаемся от вас. А я не скрываю: да, мне доставляет кайф сидеть, почёсывая яйца, весь вечер в кафе с такими же оболтусами, как я, обсуждать размеры каждой женской задницы, промелькнувшей мимо, часами болтать о баскетболе и ржать над телевизионной дурью! Мне надоело задумываться над судьбами мира, меня от них тошнит! Пускай мир думает о них сам, ведь и его не интересует моя судьба! Кто мне купит машину, лучше, чем у соседа, виллу с бассейном и зелёной лужайкой, даст зарплату хотя бы на сотню шекелей больше, чем у того же соседа? Никто! Самому нужно выгрызать, отнимать, отталкивать плечом… Скажи, я по-своему не прав? – Амнон перевёл дыхание и нервно сжал кулаки. – Я ни к кому не лезу в карман, ни у кого ничего не отнимаю, а хочу добиться и добиваюсь всего сам. И это будет моё – только моё. Делиться ни с кем не собираюсь. Пускай каждый самостоятельно добивается своей мечты. Я никому не буду мешать, но и мне не мешайте. Понимаешь?! – Он смахнул с лица капельки пота. – Так оно и будет. И вы, умные и образованные, не сможете помешать мне, примитивному и малограмотному…

– Чего ты раскипятился? – удивлённо спросил Мишка. – Тебе никто не собирается мешать! Пожалуйста, добивайся на здоровье…

– И добьюсь! – Он замолчал и стал смотреть в окно, но спустя минуту заявил: – Не хочу больше кататься. Скучно! Давай выйдем и мороженого купим. Посидим где-нибудь в тишине и в прохладе, а то ещё не известно, что завтра на базе будет…

Не глядя на Мишку, он встал, подхватил свою сумку, автомат и пошёл по проходу. Немного подумав, Мишка встал тоже и отправился за ним следом.

11.

Они вышли в Рамат-Эшколе, новом и красивом районе, бывшей иерусалимской окраине, застроенной после Шестидневной войны. В конце проспекта автобус сворачивает к университету, но ехать в студенческий кампус и шумные учебные корпуса не хотелось.

В первом же уличном кафе с большим полосатым тентом над столиками они купили мороженое и уселись в белые пластмассовые кресла.

– Не хочу больше на эту тему разговаривать, лучше помолчим, – заявил Амнон. – Всё равно тема бесконечная, нервов жалко, а мы друг друга едва ли поймём…

Но долго молчать он не мог, а переключиться на что-то иное сразу не получалось.

– Понимаешь, наше государство задумали идеалисты, мечтавшие совместить несовместимые вещи – дать собственную землю народу, который две тысячи лет не имел даже своего угла и жил на чужих землях призрачными мечтами. Выработал в себе комплекс вечного гостя, ежесекундно ожидающего недовольный окрик хозяина. Если бы мы не верили все эти годы, что земля Израиля когда-то непременно станет нашей, возможно, стали бы совсем иными, не такими, какие есть сейчас. Ведь мы за тысячелетья приучили себя жить скрытой надеждой, считать, что окружающая действительность временна и недостойна нашего настоящего предназначения, выработали упрямство во всём, даже в собственных заблуждениях… Временами мы теряли путеводную нить, свыкались с недостижимостью идеалов, может быть, гораздо больше, чем другие народы, но, в отличие от них, никогда не утрачивали свою веру. И даже испытывали от этого своеобразное садистское удовольствие… Да, мы с тобой жили в разных условиях – я здесь, с постоянными родительскими воспоминаниями о жизни среди мусульман, ты – среди коммунистов, но, сам посуди, была ли между нами принципиальная разница? И в тебе, и во мне, помимо желания, уже была заложена многовековая обречённая готовность сносить оскорбления и вытирать плевки с лица, нежелание идти на открытый бунт, но всеми способами добиваться своего, упорно копить силы на чёрный день и не пускать в свой мир посторонних. Сокровенная мечта не давала преступить грань между нами и теми, у кого такой мечты нет… Улыбаешься? Думаешь, небось, с чего этот «интеллектуал» заворачивает такие цветастые фразы? Ему бы – про баб, деньги да баскетбол…

Мишка с удивлением разглядывал Амнона, с трудом поспевая за его мыслями.

– …Ну, да ладно. Всё равно когда-то я должен был кому-то высказать всё, что накипело на душе. Так что терпи, солдат, пока командир сопли по воротнику размазывает… – Амнон вытащил сигарету, нервно прикурил и швырнул зажигалку на стол. – И вот пришли великие идеалисты, которые протянули нам потерянную путеводную нить. Они знали, куда идти, как идти и чем необходимо пожертвовать, чтобы достичь цели и не сбиться на дорогу, проторенную другими народами. Одного не учли: за тысячелетия ожидания мы устали, смертельно устали. Так устали и привыкли к своему положению, что стали тяжелы на подъём, а если и поднимались, то со всем своим скарбом и предрассудками. Нам больше не хотелось перемен и неизвестности… Однако ничего другого нам не оставалось: мечта уже нашла благодатную почву в наших истомившихся душах, и мы вдруг почувствовали, что больше так продолжать не можем, ведь вот она, подлинная свобода, на горизонте. Из народа-приживалы и вечного гостя на чужом пиру мы превратились в народ, опьянённый неожиданно свалившимся богатством. Но любой знает: посади голодного за стол, уставленный богатыми яствами, он сперва опьянеет от вида такой роскоши, потом бросится есть и не остановится до тех пор, пока его не вывернет наизнанку… Знаешь, что я сейчас подумал? Может, всё, что у нас есть сегодня, мы получили преждевременно? Иначе, почему в нас столько разочарования, беспричинной обиды и жестокости? А ведь мы, по сути дела, получили совсем немного – нам лишь удалось стать такими свободными, как остальные народы, а самое главное – оно по-прежнему впереди…

Мишку всё больше и больше поражали слова Амнона. Было удивительно, как этот простой израильский парень, наверняка в университетах не учившийся и едва ли прочитавший даже десятую часть тех книг, что прочёл Мишка, способен рассуждать о таких высоких материях, как судьба народа, давать оценки, ниоткуда не позаимствованные и вполне логичные, хотя… Что-то в его построениях Мишку не устраивало и настораживало. Может, категоричность и однозначность выводов, по-солдатски прямолинейных, словно Амнон, как всегда, про-

кладывал маршрут взвода по карте, когда расстояние между двумя точками вычислялось по прямой, а проходить его предстояло по гористой местности…

– Помнишь уничтоженных террористов, которых мы видели в Ливане, в самый последний раз? – неожиданно для самого себя спросил Мишка.

– Ну…

– Так вот, с одним из них я когда-то учился в Москве и даже дружил. Я его узнал…

Амнон прикурил очередную сигарету и стал молча водить палочкой от мороженого по белому пластику стола, потом, словно нехотя, пробормотал:

– Я об этом догадался. И даже заметил, как ты что-то вытащил у него из кармана.

– Почему же тогда ничего не сказал?

– Не знаю. Меня поразило твоё лицо… Понимаешь, я и сам мог тысячу раз очутиться в такой ситуации. Ведь мои родители из Ирака, у них там до сих пор остались знакомые и друзья, и я о них немного знаю. Мало ли что, но вдруг в прицел моего автомата когда-нибудь попадёт человек, с которым пересекались их дороги, и я не смогу поступить с ним как с врагом. А я солдат, я должен уничтожить врага, понимаешь?! Думаешь, это легко? Или мне запрещено иметь нормальные человеческие чувства?.. А твой убитый мусульманин – он мог быть, между прочим, и моим одноклассником. Теоретически…

Где-то за домами, там, где проспект сворачивал к университету, что-то гулко и раскатисто хлопнуло. Амнон и Мишка по выработанной в Ливане привычке пригнули головы и насторожились. Сразу же, поначалу как-то неуверенно, потом всё громче и надрывней, из-за поворота, из-за остановившегося потока машин закричали люди и завыли автомобильные сирены.

– Там… – прошептал Амнон, неловко поднимаясь из-за стола и опрокидывая стул.

– Неужели?!

Они бежали, на ходу пристраивая за спинами сумки и размахивая автоматами. В неожиданно навалившейся на них тишине, приглушившей отдалённые крики и плач, звонко цокали по асфальту подковки их тяжёлых армейских ботинок. Амнон бежал чуть впереди, не оглядываясь и что-то еле слышно бормоча. Обогнув перегородившие дорогу машины, они увидели метрах в трёхстах от себя развороченный взрывом автобус. Из выбитых окон валил густой черный дым, и за ним весело поблёскивали язычки огня. Словно наткнувшись на преграду, Амнон резко остановился, и губы его предательски дрогнули:

– Опять теракт…

И тут только стало слышно, как отовсюду, завывая сиренами и продираясь сквозь заторы на перекрёстках, к месту взрыва спешат полицейские, пожарные и скорые помощи.

Сквозь навернувшиеся на глаза невольные слёзы Мишка уже различал среди суетящихся вокруг автобуса людей бородачей в чёрных кипах и неожиданно весёлых оранжевых жакетах. Это были специальные бригады, скрупулёзно собирающие в прозрачные пластиковые пакеты всё, что осталось от погибших. Чтобы потом похоронить.

Значит, погибших было много.

– Как же так? Как же так? – беспрерывно повторял Мишка сперва на иврите, затем на русском. А потом и вовсе не стало понятно, произносит ли он это или слова, помимо желания, вырываются из его глотки, вырастая и грохоча до боли в ушах, презирая рамки и условности человеческих языков, и от этих беспомощных и жалких слов нисколько не становилось легче. Лишь какая-то застарелая горечь и досада, таившаяся до поры, сладким и ядовитым гноем, принялась растекаться вокруг, затопляя улицу, не давая вдохнуть горчащий от дыма воздух и смахнуть пот со лба. В двух шагах от него корчился и хрипел в бессильном плаче Амнон, его боевой командир, повалившись на колени и бессильно стуча побелевшими кулаками в горячие ноздреватые камни бордюра.

Почему-то перед Мишкиными глазами на мгновение встал убитый Махсуд, но не в своём последнем обличии террориста, а в прежнем – студентика в джинсах и с рукописями в руках.

Махсуд уже не улыбался и не протягивал их читать. Лицо его было строгим и задумчивым, но чужим… Мишка помотал головой, отгоняя наваждение, вытер слёзы и подошёл к Амнону:

– Вставай, брат, пойдём…

Поддерживая друг друга и с трудом переставляя ноги, они пошли куда – то наугад, не оглядываясь на развороченный взрывом автобус, потом вдруг опомнились и вернулись за брошенными сумками и автоматами. Мишка разглядывал кипарисы и пальмы вдоль дороги, потом перевёл взгляд на редкие облака в небе. От этого разглядывания ему становилось всё легче и легче, потому что он уже понимал, что пора заканчивать игру в придуманную жизнь – в тексты, дневники, какие-то досужие рассуждения о смысле и назначении литературы. Жизнь наверняка сложней и интересней даже самого замечательного сочинённого текста. Пора было заканчивать затянувшееся прощание с прошлой жизнью. Осознавать это было пока обидно и грустно, но не было в этой грусти безысходности – Мишка знал, что теперь уже обязательно когда-то напишет что-нибудь стоящее. Это будет не скоро, а лишь тогда, когда жизнь по-настоящему потребует его текстов.

Раздумывать сейчас об этом было, конечно, не время, но ничего с собой поделать он не мог. Он даже хотел сказать об этом Амнону, и тот наверняка понял бы его, не стал бы смеяться и обзывать сумасшедшим. Впрочем, всё это ещё успеется. А сейчас они шли, молча и не переговариваясь, лица их просохли и стали строже. Мишке даже показалось, что Амнон чувствует его мысли, но не говорит ничего, потому что время для этих слов тоже пока не наступило. Как не наступило и время его настоящих книг.

Страх

1.

Стихи – дело хорошее, но реального толку от них нет. Конечно, не грех восхититься чьими-то гениальными виршами и изобразить на челе и прочих частях тела неподдельный восторг, однако этим всё, как правило, и ограничивается. Банальный и необходимый для пропитания кусок хлеба зарабатывается вовсе не стихами, а чем-то иным – совершенно непоэтическим и не имеющим к литературному творчеству никакого отношения. Так, к сожалению, устроен мир.

Не думаю, что Израиль в этом плане сильно отличается от моей прежней родины России, где процент поэтов на душу населения едва ли ниже, чем здесь. Посему и приходится нашему брату, доморощенному поэту, приобретать какие-то параллельные специальности и потом разыскивать такие работы, чтобы не сильно мешали и позволяли временами если уже не беспредельно предаваться любимому творчеству, то хотя бы иметь какое-то время на высокие литературные раздумья. И чтобы при этом не оглядываться с опаской по сторонам, доставая из кармана блокнотик для очередных шедевральных рифм, навеянных пролетевшей мимо Музой.

Самая доступная в этом плане работа – конечно же, охрана. Притом по собственному опыту знаю, что лучше всего подходит нашему брату небольшая охранная контора, которая не сотрудничает с крупными предприятиями и фирмами, где порядки строже и дисциплина почти армейская. Есть конторы, которые подряжаются на ночную охрану школ и прочих учреждений, когда во время твоего дежурства там нет ни одной живой души. Лично для меня такие ночные смены – самый лакомый кусочек. Ходишь себе от заката до рассвета по пустынной охраняемой территории, любуешься на луну, вслушиваешься в отдалённые звуки, которые тебя не касаются, и пишешь, пишешь, пишешь. Надоело – можешь чуток вздремнуть, но так, чтобы тебя не засекли на этом запретном и наказуемом действе. Глядишь, какие-то новые откровения тебя и посетят.

Утром возвращаешься домой усталым и удовлетворённым, досыпаешь недобранные ночные часы, потом садишься за компьютер перепечатывать сочинённое за ночь и – снова влезаешь в казённую сбрую с пистолетом на боку, переговорным устройством на плече, а на ноги натягиваешь тяжёлые армейские ботинки, то есть всё то, что отличает поэта-охранника от простого поэта-обывателя, не отягощённого ночными бдениями и стихами под луной…

Сегодня перед самым выездом на работу мне звонит Илана, секретарша нашего хозяина охранной конторы.

– Привет, дружок, как дела? – хрипло хихикает она в трубку. – Как себя чувствуешь? Как семья, как дети?

На эти стандартные вопросы отвечать не требуется, да никто никогда и не ждёт на них ответов. Интересно другое – зачем она звонит? Если всё нормально и никаких изменений в рабочем графике не предвидится, то и никто тебя беспокоить не станет. А тут что-то непонятное.

– Всё нормально, – отвечаю, – всё хорошо… На работу вот собираюсь, сейчас выезжаю.

– Подожди, не суетись, – отчего-то не перестаёт веселиться Илана, – сегодня ты не работаешь. Шеф распорядился, чтобы ты прямо сейчас подскочил в контору, у него к тебе разговор.

На часах семь вечера, и в такое время в конторе уже никого не бывает. Значит, что-то произошло неординарное, если шеф не ушёл и Илана следом за ним. А уж для чего им понадобился я, совсем непонятно.

– Прямо сейчас лететь в контору? – всё ещё не доверяю ей. – Отчего такая срочность? И почему я сегодня не работаю? А кто же будет в школе?

– Ну, насчёт замены – вопрос не ко мне, а к шефу. Он уже кого-то отправил. Мне же приказано только связаться с тобой и пригласить в контору. Для чего – не спрашивай, не знаю…

Некоторое время послушав короткие гудки в трубке, прячу телефон в карман и в сердцах сплёвываю. Вечно так у них! Что ни день, то авралы, планы меняются в последнюю минуту, и правая рука не знает, что делает левая. Всегда подворачиваются какие-то срочные одноразовые работы, от которых шеф из жадности отказаться не может, а работников у него традиционно недобор. Не потому, что работать никто не хочет, просто не каждому по нраву ежедневно находиться как в жерле вулкана, когда ты сам себе не хозяин и не знаешь, что с тобой будет через час и где ты в итоге окажешься. Притом не факт, что твой рабочий день закончится через восемь положенных часов, а не продлится на добрые пару суток. Да и зарплату шеф платит копеечную. Молоденькие ребятишки после армии регулярно приходят к нему, но через месяц-полтора такой адской работы увольняются. Остаются работать только такие, как я, отмороженные творцы неизвестно чего, у которых голова в облаках и которых неприглядная израильская действительность обтекает, не задевая. Да и деваться нашему брату, если говорить честно, кроме как в охранную фирму, некуда. Любимых российских кочегарок для творческого человека здесь нет.

Что ж, решаю про себя, если приказали не ехать на работу, а в контору, то никуда не денешься, придётся ехать. Может, на какое-нибудь торжество в ресторане отправят. Пусть и в тишине посидеть не удастся, зато наверняка сегодня дома переночую. Хоть какое-то маленькое удовлетворение от всего этого получу. Правда, не факт, что меня прямо сейчас не отправят куда-нибудь к чёрту на кулички, в другой конец страны, куда придётся ехать на машине чёртте знает сколько времени и отсидеть там безвылазно пару суток…

Быстро завершаю свой гардероб – казённая рубашка, брюки, оружие и прочее. Последний взгляд в зеркало в прихожей – хорош боец-огурец! – и выскакиваю на улицу к машине.

– Ну, где ты? – недовольно ворчит шеф, едва появляюсь в его кабинете. – Тебе Илана звонила час назад – за это время можно весь город дважды объехать!

На самом деле шеф не злится – просто у него такая манера общения с подчинёнными. Нужно сперва беспричинно наехать и обвинить во всех смертных грехах, чтобы заронить в бедном охраннике комплекс вины, а дальше можно из него верёвки вить. Со мной этот трюк не проходит, потому что я изучил его, как облупленного, и стараюсь на подобные штучки не реагировать, а вот на молодых охранников это действует устрашающе. Так удав гипнотизирует несчастного кролика перед заглатыванием.

Склонностью к глубоким философским обобщениям шеф не обладает, но порассуждать о добродетелях и строгом выполнении возложенных на охранника обязанностей любит, поэтому лучше всего оборвать его, чтобы сразу переходил к делу.

– Илана сообщила, – деловито перебиваю его, – что сегодня в школе будет работать кто-то вместо меня. А что случилось? Чем я не угодил?

– С тобой всё в порядке! – начинает криво улыбаться шеф. – Школьное начальство тобой довольно, никаких претензий нет. Но… – тут он на мгновенье замолкает, словно подыскивает убойный аргумент, – у меня сегодня днём состоялся разговор с одним очень влиятельным человеком, который хочет встретиться с тобой.

– Этому влиятельному человеку понадобился личный телохранитель? – беспечно улыбаюсь. – И на эту роль выбрали меня?

Шеф раскатисто хохочет, словно я сказал какую-то нелепицу, и даже на глазах у него появляются слёзы:

– Нет, у него собственных телохранителей, наверное, как собак нерезаных! Да и уровень подготовки у этих ребят – будь здоров. Ты с ними даже рядом не валялся!

– Ну, так в чём же дело? Кто этот человек? Что ему от меня надо? Виллу охранять, пока будет в отлучке?

Смех шефа резко прерывается.

– Как тебе сказать… – Он слегка мнётся, и это для него крайне нехарактерно. – Я этого человека не знаю, он сам на меня вышел. Но у меня нюх на эту публику – он очень непростой человек… Никто никому, конечно, ничего не обязан, но такому человеку отказывать нельзя, когда он просит. Можешь мне поверить.

– Ну, и кто он всё-таки? Бандит, что ли? Какой-нибудь крёстный отец мафии?

– Понятия не имею. Но у меня принцип такой: ни с кем отношений не портить. Мало ли какие у человека связи не только в нашем городе, но и по всей стране. Тем более, чувствую, что он вообще не израильтянин. Вот, как-то так.

– Ого! – ещё больше удивляюсь я. – И что же ему от простого охранника понадобилось? В криминальных разборках я не участвую, наркотиками не торгую, людей не похищаю и киллером не подряжался, хотя некоторых с превеликим удовольствием бы грохнул…

– Что-то ты не по делу разговорился! – хмурится шеф. – Лучше язык придержи, а то это может кое-кому не понравиться… Короче. Слушай меня дальше. Этот человек лично позвонил мне, потом приехал сюда в офис и прямо поинтересовался, работаешь ли ты у меня. Не чьё-то – твоё имя назвал. Он тебя, оказывается, по всей стране уже несколько дней разыскивает. Не знаю, что ему от тебя понадобилось, и знать не хочу, но по пустякам такие люди даже палец о палец не ударят. Ты меня понимаешь?

– Не понимаю! Он так и не сказал, для чего я понадобился?

– Мне тоже показалось это загадочным, – шеф пожимает плечами и принимается демонстративно перекладывать какие-то бумаги перед собой на столе, – но лезть в чужие дела не собираюсь. Мне и своих проблем хватает… А у тебя хочу на всякий случай поинтересоваться: может ты где-то когда-то накосячил? Напряги память. Повторяю, по пустякам такие люди не станут кого-то разыскивать!

– В вашей конторе я работаю уже четыре года, – отвечаю бодро, как и положено хорошему солдафону, а на душе отчего-то уже кошки скребут, – и вы меня знаете, наверное, не хуже, чем я сам себя. О каких косяках может идти речь? У меня времени свободного ни на что не остаётся – только работа и сон, работа и сон…

– Вот и я ему о том сказал, – кивает головой шеф, – но он говорит, что ему нужно поговорить с тобой лично и совсем по другому вопросу, а меня этот разговор никаким краем не касается… Ну, раз так, значит, моё дело сторона. Он попросил лишь предупредить тебя – я так и сделал, а дальше договаривайтесь между собой сами.

– И что я должен сделать?

– Ничего. Отправляйся домой и жди. У тебя сегодня выходной. Отдыхай, смотри телевизор, стихи свои сочиняй… К тебе этот человек собирается лично подъехать. Домой или ещё куда-то, не знаю. Он сам с тобой свяжется. Твои координаты я ему дал. Не подведи меня, я за тебя поручился… Да, и пистолет на всякий случай оставь здесь – он тебе не понадобится. А то мало ли…

Последняя просьба шефа меня удивляет. Никогда ещё такого не было. Неужели боится, что я стану отстреливаться от своего загадочного визитёра?! Вот ещё новости!

Ни слова не говоря, вытаскиваю пистолет из кобуры и кладу на стол.

– Удостоверение охранника тоже сдать?

– Нет, этого пока не требуется, – шеф криво усмехается, – я сказал только про оружие.

– О пистолете он тоже попросил, этот ваш таинственный знакомый?

– Нет, это я сам решил. Подальше от греха…

Домой еду в задумчивости и всё никак не могу найти объяснений странным поступкам шефа. Кому из здешних бандитов я мог понадобиться? А может, и не здешних или, если верить шефу, вообще какому-то иностранцу. Я и на прежней родине ни с каким криминалом не общался, только смотрел ментовские телесериалы, не больше. А уже здесь в Израиле и вовсе не до сериалов.

Впрочем, что это я всё про бандитов да про бандитов? Может, человек, которому я потребовался, вполне приличный… Но тогда другой вопрос: что от меня понадобилось приличному человеку? Тем более, непонятно.

Я не настолько наивен, чтобы не догадываться о том, что любой подобный бизнес, как у моего шефа, не может быть кристально чистым, и шеф так или иначе непременно должен время от времени пересекаться с криминальными элементами. Но какое к этому отношение можем иметь мы, простые его работники, получающие грошовые зарплаты, и от которых совершенно ничего не зависит?

Уже у самого моего дома я осматриваюсь по сторонам и вдруг замечаю какую-то тёмную незнакомую машину, притормозившую на нашей стоянке. В принципе, здесь могут стоять только автомобили наших жильцов, редко появляются чужие, а эта… Вот тебе ещё одна непонятка.

Не раздумывая больше ни минуты, разворачиваюсь и снова выезжаю на проезжую часть дороги. Что-то мне это совсем не нравится. И сразу же замечаю, как тёмная машина трогается с места и неторопливо выруливает следом за мной…

2.

Теперь я уже то и дело поглядываю на неотрывно следующую за мной машину. Она не приближается и не отстаёт, словно отслеживает и повторяет мой маршрут. И это мне крайне не нравится. Тут даже будучи человеком совершенно ни в чём не замешанным, на душе становится беспокойно, словно ты во всём подряд виноват и тебя отовсюду ожидают неминуемые неприятности.

Неужели этот неизвестный бандит, от общения с которым мой шеф явно струхнул, не доверился ему и отправил своих хвалёных телохранителей, рядом с которыми я не валялся, проследить, куда я проследую после того, как узнаю о нашей предстоящей встрече. А то, что он серьёзно намерен встретиться со мной и не допустить моего вероятного побега, становилось предельно ясно.

Самое неприятное в моей ситуации – неизвестность и невольный страх, лишающий рассудка и толкающий на самые необдуманные поступки. Ничего другого не остаётся – только удирать от преследователей. Как это делается в детективных сериалах, я в точности не помню, потому что никогда не заострял на этом внимания и даже теоретически не мог представить, что мне когда-то придётся участвовать в таких гонках. Предельные скорости, свист пуль, сирены полиции, вдребезги расколоченные машины – неужели и меня это ждёт?!

Так ничего и не придумав, останавливаюсь на обочине и выхожу из машины. Будь что будет. Если преследователям есть что мне предъявить, то они тоже остановятся и подойдут поближе. Правда, пистолета с собой у меня уже нет, но даже если бы и был, то стрелять из него – упаси бог… Это уже запредельно – что-то мои разгорячённые просмотренными детективами мозги начинают воображать невесть что! Захотелось поиграть в войнушку? Наконец прорезались детские мечты?

Перевожу дыхание и смотрю на медленно приближающуюся машину. На улице только начинает смеркаться, но фонари уже зажглись, и всё хорошо видно. Вокруг полно прохожих и автомобилей на дороге, так что никаких военных действий наверняка не предвидится.

Тёмная машина с моими преследователями медленно проезжает мимо. Никого в ней разглядеть не удаётся, но это меня и не сильно волнует – что бы мне дало, если бы я различил лица? Всё равно знакомых в криминальном мире у меня нет и, надеюсь, не будет.

Поглядев им вслед, облегчённо вздыхаю и, закрыв машину, топаю к ближайшему кафе попить водички и перевести дыхание. А в головне не перестаёт крутиться одна и та же мысль: в передрягах с погонями я ещё не участвовал и, надеюсь, что больше такого не повторится. То, что происходило минуту назад, всего лишь плод больного воображения. Не моё это занятие – участвовать в подобных глупостях.

В кафе присаживаюсь за столик у окна и неотрывно гляжу на улицу. Впору бы успокоиться и прийти в себя – а не получается. Если есть ещё какие-то преследователи, то они непременно должны нарисоваться, и бдительность терять пока рано.

Официант приносит бутылку минеральной воды и чашку кофе. Закуриваю сигарету и перевожу дыхание. Напряжение постепенно спадает, и я даже могу позволить себе раздумывать о чём-то постороннем, а не только о своих преследователях, которым что-то от меня нужно.

Попробуем всё разложить по полочкам и спокойно выработать линию своего поведения. Никогда раньше я об этом не задумывался, а вот теперь настало время.

Выходит, что желание какого-то незнакомого мне бандита – иначе я его уже не называл! – настолько переполошило шефа, что он даже забрал у меня оружие, лишь бы не вышло ничего экстраординарного. Откуда ему знать – вдруг я не так прост, как ему кажусь, и с перепугу, а то и из злого умысла начну палить из казённого ствола и грохну кого-нибудь? Шеф – мужик битый и осторожный. Шкурой почувствовал опасность и сразу просчитал, что в случае чего ему тоже достанется по первое число. В том, что ничего хорошего от нашей беседы с незнакомцем не будет, он был почему-то уверен. В отличие от меня, ведь я даже предположить не могу причину интереса к моей скромной особе. Впрочем, и я, если говорить честно, придерживаюсь того же мнения. Но опять встаёт вопрос: что всё-таки от меня нужно этому высокопоставленному незнакомцу?

Кое-какие отдалённые предположения мыслишки приходят на ум – опять же дурацкие киношные стереотипы, но ни за что конкретное зацепиться пока не могу.

Допив кофе, подхватываю неоткрытую бутылку с водой и отправляюсь к своему автомобилю. Ехать домой я сейчас не могу. Следуя жанру, там наверняка меня обязана поджидать засада. Логика преследователей проста: куда я денусь, попетляв по городу и даже сумев «оторваться» от погони, спрятавшись в придорожном кафе? Значит, и не стоит гонять жертвенного кролика по кругу – всё равно рано или поздно вернётся к себе в норку. Там его и можно взять тёпленьким.

Лишний раз пожалев, что у меня на боку теперь нет ставшего привычным пистолета, завожу машину и разворачиваюсь к выезду из города. При этом периодически поглядываю в зеркало заднего вида – нет ли погони. Но за мной всё чисто. Одно время ехал какой-то продуктовый фургон, но он скоро свернул на боковое ответвление дороги и исчез.

Ехать я сейчас мог только в одно место. Никаких иных вариантов у меня не было. К родственникам, живущим в других городах на Севере и в Центре страны, являться среди ночи не хотелось, да и не дело подставлять их, если мои преследователи всё-таки выслеживают меня. Мало ли какие у них людоедские планы!

В Израиле как-то не получается обзавестись близкими друзьями, если это только не те, с которыми ты начал дружить ещё на прежней родине. Вот и у меня есть тут всего один настоящий друг из прошлого, с которым мы хоть и не живём по соседству, да и приехал он сюда намного позже меня, но это ничего не меняет. Как мы дружили, так и продолжаем дружить.

Зовут моего друга Толиком, и был он на прежней родине полицейским. Правда, звёзд на своей службе простым районным участковым не хватал, но разве это важно было для меня? Дружба наша началась ещё в детском саду, потом продолжалась в школе, и даже в институт мы поступили один и тот же, хоть и на разные специальности. Видно, был он по жизни неудачником, ещё большим, чем я, потому что институт закончил не без помощи своей матери – известного в городе врача-терапевта, а потом, опять же с её помощью, устроился инженером на завод, где у него что-то не заладилось, и тогда он подался, не мудрствуя лукаво, на вольные хлеба в полицию. Вот, пожалуй, и вся его биография, гордиться в которой было особо нечем.

Звёздочки на погоны ему не сыпались, и, насколько помню, за десяток лет он сумел лишь один раз, и то по выслуге лет, перескочить из младших лейтенантов в лейтенанты, тем не менее, не унывал – на своей работе вёл довольно богемный, по милицейским понятиям, образ жизни, выпивал и куролесил, но всё ему сходило с рук, потому что и начальство у него было такое же. В киношных сериалах, вон, снимают каких-то идеальных целлулоидных ментов, которые взяток не берут, закон не преступают, к нарушителям и преступникам относятся именно так, как подобает относиться к преступникам. Или, наоборот, каких-то оборотней в погонах, нарушающих все без исключения принципы нормальных человеческих отношений, плюс к этому все до одного параграфы Уголовного кодекса. Толик не относился ни к тем и ни к другим – он был самым обыкновенным ментом со своими положительными и отрицательными качествами. За руку я его, конечно, не ловил, но деньги у него всегда водились, водка и коньяк лились рекой, да и со всякими тёмными личностями он, похоже, был накоротке. Не раз я замечал это, когда нам доводилось встречаться. Конечно же, это было не всегда приятно, но что тут поделаешь? Издержки профессии…

А потом я уехал в Израиль и долгое время ничего о Толике не знал. Пару раз писал ему письма с рассказами о том, как здесь устроился, немного, конечно, привирая и хвастаясь, но в целом трудностей привыкания к новой стране не скрывал. Получал от него ответные письма, в которых тоже ничего интересного не было. А потом он вдруг позвонил мне и сообщил, что едет в Израиль, притом не туристом, а на постоянное место жительства. Так что, мол, братуха, готовься кореша встречать, загружай морозилку хлебным вином.

Это было для меня неожиданно, потому что, как мне казалось, лучше должности для себя, чем быть провинциальным участковым, ему нигде не найти, и эта служба как раз для него. Он словно рождён для неё и катается в ней как сыр в масле. А выходило, что не всё так просто, если он порывает с полицией и теперь уезжает в Израиль. То есть в полную для него неизвестность. Притом для него не секрет, что здесь его вряд ли возьмут на полицейскую службу, но если даже и возьмут, то такой халявы, как раньше, наверняка уже не будет. Всё это выглядело немного странно, но отговаривать его я не стал, тем более, решение он принял окончательное, да и мне это отчасти нравилось: хоть одна близкая душа будет теперь рядом.

В аэропорт Бен-Гурион я поехал встречать Толика в одиночку. С трапа он спустился с одним рюкзаком, и в багаже у него оказался лишь небольшой чемодан. На фоне других репатриантов с тюками, узлами и многочисленными баулами он казался белой вороной. Да он ею, по сути дела, и был.

Ни в каких танцах с флажками и хоровых песнях, что устраивают прямо в зале прибытия для новых репатриантов, участвовать он не захотел, лишь протиснулся между веселящимися людьми, обнялся со мной, неловко чмокнул в щёку и попросил поскорее увозить его отсюда.

– Устал, понимаешь ли, в дороге, – сказал он, – хочу отдохнуть и… будем продолжать жить!

Сперва мы поехали ко мне, и пару дней он прожил у меня. Ни на какие ознакомительные экскурсии, как все новоприбывшие, ехать не захотел, лишь попросил на полученные в аэропорту деньги помочь купить ноутбук и немного подучить пользоваться Интернетом.

– Не хочу сидеть у тебя на шее, – не раз повторил он за эти два дня, – а Интернет поможет мне найти какую-нибудь работу, ну, и вообще… Короче, не хочу ни от кого зависеть.

Стремление, конечно, похвальное, но, чтобы Толик, этот отвязный и шебутной мент, которого я знал именно в таком качестве, начал серьёзно интересоваться компьютером и работой, не связанной с полицией, было для меня полным шоком. Насколько знаю, он и протоколы, которые обязан был писать на своей прежней службе, всегда делал с великим скрипом, а уж ошибок и несуразностей в его писанине было выше крыши.

Компьютер и учебник по компьютерной грамотности мы купили уже на третий день, а потом Толик неожиданно заявил:

– Помоги найти отдельную небольшую квартирку, чтобы я не мешал тебе. Перееду и не буду морочить голову.

Когда я объяснил, что денег, полученных в аэропорту, плюс квартирных, что он будет получать ежемесячно, ни на что приличное не хватит, то он загрустил. Но грустил недолго.

– Мне бы всё-таки работёнку какую-нибудь подыскать. Я не белоручка – могу и физически поработать.

– В полицию тебя не возьмут, – напомнил я, – ты сперва иврит подучи, а уж потом думай о работе.

– Не нужна мне больше полиция – сыт я ею по горло! – махнул он рукой. – Иврит… не знаю, выучу ли, но не уверен, что он мне понадобится. Без него попробую выкручиваться!

При его последних словах я встал в стойку:

– Как же так?! Собираешься жить в Израиле – и надеешься, что иврит тебе не понадобится?! Не бывает такого… Ты хорошо подумал?

– Я даже ещё не решил, оставаться ли мне здесь или нет…

Этот разговор оставил неприятный осадок, ведь мне очень не нравятся люди, которые стремятся из всего извлечь выгоду и взамен ничего не отдать. Откровенно признаюсь, люди, использующие Израиль как перевалочную базу для последующего отбытия в Америку или Европу, мне крайне неприятны. Не то чтобы я был упёртым патриотом, каковых никто и нигде не любит, просто для меня такая ситуация была чужда и неприемлема. Всё должно быть в меру.

Больше разговоров на эту тему мы не заводили, зато я придумал для Толика интересный, хоть и не очень простой при его безденежье выход. Некоторое время назад я работал в охране школы и детского сада в одном из поселений на Хевронском нагорье, которое считается полузакрытой территорией. Всех подряд туда не пускают даже на экскурсии. Тем более, тем, кто привык к комфортным городским условиям, там и не особо нравилось, хотя всё необходимое для нормальной жизни там есть. Единственное и главное, что не подходило городским жителям, это то, что поселение – всё-таки территория охраняемая, так как вокруг далеко не мирные арабские деревни, поэтому по периметру оно обнесено решёткой с камерами слежения, а на всех въездах расположены КПП, на которых солдатики проверяют документа въезжающих. По дорогам постоянно разъезжают джипы пограничной полиции. Короче, почти Дикий Запад со своими собственными ковбоями и индейцами. Ну, и, конечно, постоянным риском встретиться лицом к лицу с террористами из окружающих деревень.

Ко всему, проблема состояла ещё в том, что поселиться здесь мог не каждый, а только тот, кому дадут разрешение в местном совете. Что же касается работы, то её здесь особо нет, хотя в поселении и работает маленький деревообрабатывающий заводик, а на молочной ферме производят козий сыр и йогурты.

Когда я рассказал об этом Толику, то он сперва ничего не ответил, но некоторое время, чувствовалось, обдумывал моё предложение. Со стороны я наблюдал за приятелем и не узнавал его. Никогда таким серьёзным и задумчивым он не был.

Образумился человек, наивно решил я, погулял да покуролесил в своей полиции, а теперь серьёзно задумался о жизни. А что – парнишка он уже не первой молодости, далеко за тридцать, пора и о семье задуматься. Не заканчивать же существование бобылём и выпивохой!

…Короче говоря, на четвёртый день его пребывания в Израиле мы собрались и поехали в поселение на Хевронском нагорье. По своей прежней работе охранником в тамошней школе я был неплохо знаком с руководителем местного совета и не сомневался, что тот постарается помочь мне в устройстве нового репатрианта, готового на любую работу. Тем более мои рекомендации что-нибудь да весили…

3.

Сегодня пришёл черёд Толика помогать мне, так же, как и я помог ему полгода назад. Погощу у него денёк-другой. Если понадоблюсь шефу, то позвонит. Чего мне как раз не очень-то хотелось бы в сложившейся ситуации. Что будет, когда на меня выйдут, – так далеко я не загадывал.

Мы с Толиком изредка перезваниваемся, и он пару раз заходил ко мне в гости, когда приезжал в город на попутных машинах за покупками. Его и в самом деле приняли в поселении по моей рекомендации, дали пустующую половину домика, и работал он теперь слесарем по оборудованию на молочной ферме. Всё-таки инженерное образование, несмотря на прежнюю работу в полиции, ему пригодилось. Голова варит, а руки помнят, как крутить гайки и латать дырки в трубопроводах. На большее он и не претендовал. Да от него больше и не требовали.

Похоже, что нынешняя скромная жизнь без шумных загулов и прочих излишеств Толика теперь устраивала полностью. Вот бы, загадал я, он ещё подругу себе завёл, чтобы создать семью, настрогать детишек, короче, жить как нормальный человек. Поверьте, это не самый плохой способ существования в нашем непростом мире. Только вот подругу среди тамошнего населения, почти не говорящего по-русски, найти довольно сложно. Впрочем, тут я ему не помощник, пусть сам выкручивается.

…Ехать до поселения почти сорок километров, а это по пересечённой горной местности, да ещё в быстро надвигающихся сумерках, дело непростое. Правда, маршрут мне известен в мельчайших подробностях и пройден не раз, так что я спокоен за рулём и лишь изредка поглядываю в зеркало заднего вида. Но никто меня больше не преследует, а по этой дороге в такое позднее время машин всегда мало. Правда, существует некоторая опасность, что со скал, обступающих новую, недавно отстроенную дорогу, могут кидать камни мальчишки из близлежащих арабских деревень. Но это чаще всего бывает днём, а в такое позднее время тут все сидят по домам. Поселенцы, у которых с собой всегда оружие, в ночное время стреляют без предупреждения и выстрелов в воздух не делают – бьют сразу на поражение, так что арабы прекрасно понимают, когда можно заниматься метанием камней сравнительно безопасно, а когда можно за это схлопотать пулю в лоб. Такова наша жестокая реальность. Есть вероятность, конечно, за необоснованную стрельбу загреметь и за решётку, но, когда с тобой в машине женщины и дети, приходится делать нелёгкий выбор. И бить врага на поражение.

Добираюсь до поселения довольно быстро – за полчаса. Уже издали в кромешной темноте сияют яркие огни, освещающие раздвижные ворота, за которыми бессонно расхаживает солдатик в каске и бронежилете. Пара дежурных вопросов, проверка документов – и вот я уже качу по извилистым улочкам, утопающим в зелени, к одному из крайних домиков, занимаемого Толиком.

А вот и хозяин на пороге. Я предварительно сообщил ему, что еду, и он, естественно, безумно рад старому другу, лишь попросил прихватить с собой сигареты и бутылку водки, потому что в поселковом магазине курева и спиртных напитков не продают. Тут половина

жителей религиозные, которые ничего, кроме красного вина по шабатам, не употребляют, но нам-то с Толиком никто не запретит красиво жить!

– Здорово, брат! – он обнимает меня и жестом приглашает пройти внутрь. – Какими судьбами? Что-то случилось?

Подхватываю пакет с купленными на заправке подарками и иду следом за ним.

Обстановка в домике спартанская. Вся мебель оставлена прежними жильцами – кровать, платяной шкаф с дверцами, обклеенными полустёртыми детскими стикерами, продавленный низкий диван, стол посреди единственной комнаты и пара разнокалиберных стульев. В углу старый холодильник и столик с тарелками и стаканами. Ничего нового Толик не приобретал. Ему хватало и того, что есть.

Всё это меня не удивляет, потому что почти все в поселениях живут довольно скромно, почти с таким стандартным набором мебели. Вилл и богатых особняков у наших соотечественников на территориях нет. Разве что у арабских шейхов по соседству. Но с теми, ясное дело, мы никаких отношений не поддерживаем. Как и они с нами.

– Так что всё-таки случилось? – Толик внимательно разглядывает меня, видимо, прекрасно понимая, что ни с того ни с сего на ночь глядя к нему я не приеду.

– А дело вот в чём… – Слово за словом выкладываю свою недолгую историю общения с шефом и последующего преследования меня неизвестным автомобилем.

– Вот оно что… – Лицо Толика мрачнеет, словно всё это происходило не со мной, а с ним. – Понял. Что ж, располагайся и чувствуй себя как дома.

Пока он накрывает стол и готовит немудрёную закуску – помидоры, огурцы, холодную вареную картошку, рыбные консервы и баночку с неизменным хумусом, я успеваю умыться и стряхнуть с одежды дорожную пыль.

– Давай за стол, – командует Толик, – будем соображать, как нам выкручиваться из данной ситуации.

– Кому нам? – усмехаюсь невольно. – Ты-то здесь причём?

– Не знаю, – протягивает он и ставит на стол рюмки и тарелки, – может, и не причём. А может, и причём…

Тут уже приходит черёд удивляться мне:

– Не понял! Это у тебя прикол такой? Или я чего-то про тебя не знаю?

Толик ничего не отвечает, лишь садится за стол, жестом предлагает мне присесть на соседний стул и молча раскупоривает бутылку водки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.